

Р.Д. Гребнев

ТЕОРИЯ ГЕОПОЛИТИКИ

Учебное пособие

Москва
2022

УДК 32(075.8)

ББК 66

Г79

*Публикуется в соответствии с Планом работы
Отделения проблем международных отношений
и межгосударственного сотрудничества
Академии военных наук Российской Федерации*

Рецензенты:

Первый вице-президент Академии военных наук
Российской Федерации, генерал-майор,
доктор военных наук, профессор,
Заслуженный деятель науки Российской Федерации

Николай Иванович Турко;

Заместитель Председателя Правительства
Московской области, доктор политических наук, профессор

Георгий Юрьевич Филимонов

Гребнев, Р. Д.

Г79 Теория геополитики : учебное пособие /
Р. Д. Гребнев. – Москва : РУДН, 2022. – 148 с.

В пособии представлен классический подход к геополитическим знаниям. Изложены основы геополитической теории, описана история становления и развития доминирующих геополитических школ, а также проведен обзор их воззрений.

Издание предназначено для студентов социо-гуманитарного профиля и широкого круга читателей, интересующихся геополитикой.

ISBN 978-5-209-11389-8

© Гребнев Р.Д., 2022

© Оформление. Российский университет
дружбы народов, 2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>От автора.....</i>	<i>4</i>
<i>Введение в геополитику</i>	<i>5</i>
<i>§1. Геополитика в контексте социологической методологии: понятие общества.....</i>	<i>12</i>
<i>§2. Геополитика в контексте социологической методологии: понятие пространства.....</i>	<i>22</i>
<i>§3. Геополитика в лицах: Фридрих Ратцель.....</i>	<i>31</i>
<i>§4. Геополитика в лицах: Альфред Мэхэн.....</i>	<i>38</i>
<i>§5. Геополитика в лицах: Рудольф Челлен</i>	<i>45</i>
<i>§6. Геополитика в лицах: Хэлфорд Макиндер ..</i>	<i>52</i>
<i>§7. Геополитические школы</i>	<i>60</i>
<i>§8. История становления англосаксонской геополитической школы.....</i>	<i>70</i>
<i>§9. Достижения англосаксонской геополитической школы.....</i>	<i>80</i>
<i>§10. Формирование геополитики Суши: Евразийство</i>	<i>92</i>
<i>§11. Формирование геополитики Суши: Европейский континентализм.....</i>	<i>107</i>
<i>§12. Европейская геополитика после Второй мировой войны.....</i>	<i>117</i>
<i>§13. Зарождение неоевразийской геополитики</i>	<i>128</i>
<i>§14. Геополитика Берега.....</i>	<i>136</i>
<i>Заключение</i>	<i>145</i>

От автора

Современный мир существует и трансформируется по неписанным законам, предопределяющим все тенденции развития обществ, государств и цивилизаций. Геополитика объясняет первопричины международных отношений и политических процессов, в том числе в экономике и праве.

Целью нашей работы является популяризация геополитики и просвещение, в первую очередь русскоязычного населения Евразии, объединённого общей судьбой.

Важной задачей, которую мы поставили перед собой при подготовке к изданию настоящего учебного пособия, было намерение особым образом подчеркнуть обоснованность воззрений неоевразийской школы геополитики. Для этого нами была использована структура изложения материала, которую разработал основатель российской геополитики А.Г. Дугин. Эта структура представляется нам наиболее конструктивной и претендующей на то, чтобы стать классической.

Для освоения геополитики необходимо иметь мужество мыслить континентами. Мы убеждены, что знание геополитики является вопросом выживания целых народов и цивилизаций. Оно способно помогать людям в поиске собственной идентичности и устанавливать порядок общественных отношений, основанный на понимании и признании общих интересов и ценностей.

Добро пожаловать в мир геополитики!

Искренне Ваш, Руслан Гребнев

Введение в геополитику

Геополитика является междисциплинарным научным направлением, в большей степени относящимся к политологии и социологии. Вместе с тем, в силу тех обстоятельств, что в основе геополитики лежат признанные государством интерпретационные заключения об обществе и истории, междисциплинарный характер геополитики дополняют философия, история, антропология, юридические науки, лингвистика и психология.

Междисциплинарный характер научных исследований, которому свойственно заимствование методологии и терминологии у смежных научных специальностей, в большей степени соответствует тенденциям развития науки в XXI веке. Зародившись на рубеже XIX–XX веков, практически на протяжении века геополитика проходила свое становление как самостоятельная дисциплина в классической системе академических знаний, чтобы в современной России стать действенным инструментом познания сложных международных процессов, аналогичных тем, которые были описаны сэром Хэлфордом Макиндером термином «Большая Игра» или свидетелями которых мы являемся по сей день.

Автором термина «геополитика» является шведский социолог Рудольф Челлен, им же обоснована концепция шведского «дружественного нейтралитета», а шведский социализм построен на его учении «народный дом». Автор термина понимал под геополитикой область знаний, изучающую отно-

шение государства к пространству. Рудольф Челлен был учеником и последователем немецкого социолога, географа и этнолога Фридриха Ратцеля, который заложил основы антропогеографии и геополитики, признавая влияние географии на развитие народов и характеристики формирующихся для регулирования отношений государств. Приверженность Рудольфа Челлена идеям Фридриха Ратцеля предопределила столь простую и емкую формулировку понятия «геополитика», однако заложив камень для серьезных научных дискуссий, вследствие которых развитие геополитической науки было затруднено в течение длительного времени.

Предложенную автором термина дефиницию переработал разработчик теории и методологии геополитики Хэлфорд Макиндер, который называл геополитику новой географией. Сэр Хэлфорд Макиндер ввел в методологию геополитики социологические обобщения в отношении политических систем и ценностей, выраженных в культуре отдельных государств и цивилизаций, предопределив возможность их типологии и противопоставления по тем или иным характеристикам. Привнесенные Хэлфордом Макиндером в теорию геополитики социальные обобщения существенно дополнили подход к пониманию геополитики, предложенный Рудольфом Челленом. На этом этапе развития геополитику начали понимать как отношение государства к пространству, географии, истории, культуре (системе ценностей) общества и политической организации. Введя в научный оборот такие понятия

как «цивилизация суши» и «цивилизация моря» Хэлфорд Макиндер предопределил, что рассматриваемое в контексте геополитической эпистемологии пространства выходят за понимание государства, ограниченного территорией. Х. Макиндер вводит в теорию геополитики цивилизационный подход, при котором под цивилизацией подразумевается единое ценностное пространство как в отношении территориального распространения, так и временного (исторического) существования.

Цивилизационный подход к пониманию геополитики встречал критику со стороны представителей подхода, ранее предложенного Рудольфом Челленом, поскольку методология Хэлфорда Макиндера не позволяла строго проанализировать государственно-властные отношения отдельно взятых политических систем. Критике также подвергались выкладки Х. Макиндера относительно геостратегии, научные оппоненты британского геополитика указывали на наличие многообразных и порой взаимоисключающих факторов при построении пространственного вектора глобальной стратегии.

Несмотря на прорывное развитие теории геополитики, заложенное Хэлфордом Макиндером, возникшие дискуссии значительно затруднили становление геополитики в качестве самостоятельного научного направления. Разрешение возникшей дискуссии было найдено в работах самого Фридриха Ратцеля, последователем которого был Рудольф Челлен. При систематизации работ Ф. Ратцеля представляется возможным выделить два основных

вектора его исследований: антропогеография и политическая география. Антропогеография имеет дело с культурными особенностями этносов и народов, значит – изучает общественные отношения. А политическая география, в свою очередь, сродни научному страноведению, изучает особенности государственного устройства, государственного правления и политического режима отдельно взятых государств. Объединив эти два направления научных исследований, теоретики и практики совместно сформировали уникальный метод геополитики, включающий в себя методологию и политических наук, т.е. политической географии, и социологическую методологию, позволяющую исследовать культурные особенности общественных отношений на определенном пространстве. Таким образом, предметом геополитики стали цивилизации, культуры и этносы, их онтологические характеристики, а также субъекты международных публичных отношений – государства и их объединения. На практике это означало, что предложенные Хэлфордом Макиндером термины «цивилизация суши» и «цивилизация моря» (первые геополитические концепты) стали пониматься синтетически – в целостном единстве двух подходов: политического и социологического.

Дополнив определение геополитики, предложенное Рудольфом Челленом, можно утверждать, что геополитика – это наука, изучающая отношение государства и общества к пространству¹.

¹ Дугин А.Г. Геополитика. С. 4.

Чтобы визуализировать, что представляет собой геополитика, достаточно представить карту, на которую нанесены три слоя информации: физическая карта (рельеф, гидрография, растительно-почвенный покров и пр.), политическая карта (границы государств, формы государственного устройства, формы государственного правления и формы политического режима), а также карта культурных особенностей этносов и народов (конфессии, характеристики национальной идентичности и пр.). Таким образом, онтологические характеристики геополитических концептов соответствуют аналитической информации, которой оперируют политология, социология и география.

На основании изложенного представляется обоснованным говорить о холистическом принципе геополитического метода, что означает верховенство целостного (включающего методы политологии, социологии и географии) понимания исследуемого объекта (отношения государства и общества к пространству) относительно отдельных элементов познания.

Методологический холизм геополитики определяется тем, что уникальный метод геополитики позволяет выявлять новые системные качества объекта, которые не тождественны сумме его качеств. И именно социологическая часть методологии геополитики является связующим звеном, способным обосновать связь между пространством и государством. Именно общество обладает наиболее переменчивыми характеристиками, которые

впоследствии выражаются в конкретных политических формах – государстве и внешней политике². В процессе многократного повторения и типизации общественных отношений формируется система ценностей, свойственная определенному этносу, государству или цивилизации, что означает, что общество является и носителем социальных концепций пространства, и источником политических форм.

Поэтому каждый из рассматриваемых геополитиками концептов содержит в себе осмысленную обществом систему ценностей, аналогично методу координат, оперирующему понятиями «хорошо / плохо», «допустимо / недопустимо», а также соответствующую этой системе ценностей политическую форму.

На пути к признанию геополитики самостоятельным научным направлением в мире сформировались основные геополитические школы, которые в свою очередь сталкивались со своими проблемами становления. Немецкая школа геополитики связана с именем Карл Хаусхофер, чьи теории шли в противоречие со внешней политикой Адольфа Гитлера, и чей сын участвовал в покушении на фюрера, что на время существования Третьего рейха остановило развитие германской геополитики. Советская наука по идеологическим соображениям отрицала идеи континентальной евразийской геополитической школы, которая являлась естественным симметричным ответом на возникновение

² Дугин А.Г. Геополитика. С. 5.

и развитие англосаксонской геополитической школы, получившей название атлантической. Молодая, существующая с 1970 г. французская школа геополитики связана с именем Ива Лакоста, который обоснованно полагал о преобладающей роли политики над пространством и границами, о политике, преобразующей пространство и границы. Отечественную школу геополитики, которая начала создаваться в начале 1990-х годов, принято относить к неоевразийской геополитической школе. Основателем российской школы геополитики является Александр Гельевич Дугин, чьи научные воззрения отражены нами в настоящей работе.

Сегодня мы можем утверждать, что все исторические предпосылки признания геополитики самостоятельным научным направлением состоялись: определена уникальная методология этой науки, сформированы научные школы, геополитика структурирована по соответствующим тематическим направлениям, защищены диссертации, написаны книги, опубликованы научные статьи, отдельные научные выкладки апробированы на международных научных конференциях, геополитический инструментарий внедрен в систему внешней политики современных государств. Следующим логичным шагом на пути развития геополитики нам представляется внесение дисциплины «геополитика» в образовательные стандарты подготовки по всем направлениям социогуманитарного профиля в высшей школе России.

§ 1. Геополитика в контексте социологической методологии: понятие общества

Ключевым понятием в геополитической теории, подлежащим рассмотрению в контексте социологической методологии, является общество. Отношение общества к качественному пространству раскрывает понятие геополитики с точки зрения социологии.

Социогуманитарные науки, как правило, рассматривают общество во взаимосвязи с государством, наделяя государство политическими функциями и властью, а общество представляя неправящим большинством. Таким образом, общество представляется той частью государства в широком смысле этого слова, которое не является политическим явлением.

Вместе с тем общество представляет собой совокупность людей, вступающих в разнообразные общественные отношения. Более того, природа человека характеризуется его стремлением к определенности общественных отношений, такому качеству общественных отношений, которое характеризуется признаками ожидаемости и прогнозируемости, а также пониманием причинно-следственной связи действий (бездействий) и их последствий. При этом определенность общественных отношений – это продукт общества, а не человека, поэтому человек, с одной стороны, участвует в формировании системы ценностей общества, а с другой стороны – перенимает уже существующие в культуре

общества ценности. Для теории геополитики важно понимание этой связи, поскольку направленное на общество воздействие опосредованно влияет на каждого индивида, а вот направленное воздействие на индивида, как правило, не способно повлиять на общество. Эта взаимосвязь делает возможным применение социальных обобщений и упрощений в геополитике, также эта функциональная связь предопределяет то, что общественные отношения поддаются нормированию. Таким образом, общество представляет собой совокупность людей, вступающих в отношения на основании универсальных норм, выражающих существующие в обществе ценности.

Освоенное обществом, наделенное смыслами пространство становится качественным пространством, внутри которого реализуется своя система ценностей, принципов, приоритетов, интересов и норм.

Пространства, представляющие собой географические объекты, ландшафты, водоемы, горы, степи и пр., могут наделаться разными смыслами, исходя из различных типов общества, осмысливающих их. Каждому обществу вменено свое уникальное пространство, окружающий мир, которые оно осознает. Например, викинги считали себя детьми и моря, и суши, и использовали море для своих набегов на другие народы в силу тех обстоятельств, что скалистые почвы и холодный скандинавский климат их родины не позволял в достаточной мере развивать сельское хозяйство. Любое общество использует пространство в зависимости от того, как

общество его толкует исходя из сформированной в обществе системы ценностей.

На основании изложенного представляется обоснованным утверждать, что геополитика в своих проявлениях выходит за рамки государственных решений, стратегий, шагов, актов управления, сотрудничества или войны и пр. – как геополитику определяют политологи. Геополитика, помимо указанного, являет собой отношение общества к происходящим событиям, основанное на понимании собственной идентичности общества, его места и роли в международных отношениях, схожих или отличающихся систем ценностей, религиозных воззрений, норм, культур и пр. Отношение общества к качественным пространствам выражается в поведении, вызванном вследствие информационного (когнитивного) воздействия на человека путем принятия тех или иных политических решений, а также прямом или косвенном согласии или несогласии с этими решениями. Именно поэтому, например, войны с участием обществ, обладающих существенными культурными различиями, вызывают меньший резонанс и большее согласие в обществах, нежели войны между народами схожих или общих культур.

В обществе формируется картина мира, которая может существенно меняться от одного общества к другому. Если взять политические карты мира, буквально отражающие представление того или иного общества о картине мира, в России, США и Австралии – мы увидим три совершенно разные

по своему расположению материков карты. На российских картах Россия и США занимают свои места, словно чаши весов, причем Россия всегда находится справа в соответствии с православной культурой. На Северо-Американских картах США находится в центре карты, словно в центре мира. А на картах из Австралии самый южный материк венчает карту мира, как это делает Северный полюс.

Рано или поздно общество начинает действовать в соответствии со своими представлениями о мире, что выражается в тех или иных политических актах, развитии международного сотрудничества, участии в альянсах или в войнах и пр. Геополитика соотносит эти акты с качествами пространства, исходящими от общества, и пытается их объяснить и спрогнозировать их развитие.

В своих трудах при описании социологического понимания пространства А.Г. Дугин приводит цитату французского социолога Эмиля Дюркгейма: «Как показал Амелен, пространство – это не та смутная и неопределенная среда, которую представлял себе Кант: чисто и абсолютно однородная, которая не могла бы служить ничему и не открывала бы для мысли никаких перспектив. Пространственное представление состоит сущностно в первичной координации, привнесенной в данные чувственного опыта. Но эта координация была бы невозможна, если бы части пространства были бы качественно одинаковы, если они полностью могли бы быть взаимозаменяемыми. Чтобы иметь возможность пространственно расположить вещи, необходимо иметь

возможность их разместить различно: одни поставить вправо, другие влево, одни сверху, другие снизу, одни на севере, другие на востоке и т.д., точно так же, как и для упорядочивания состояний сознания необходимо локализовать их в привязке к определенным датам. Это значит, что пространство не было бы самим собой, если бы оно, как и время, не было разделено и дифференцировано. Но откуда происходят эти столь существенные различия? Не существует ни «права», ни «лева», ни «верха», ни «низа» самих по себе. Все эти различия происходят из того, что соответствующим регионам приписываются различные аффективные ценности. А так как люди одной и той же цивилизации представляют собой пространство сходным образом, эти аффективные ценности и различия, вытекающие из этих ценностей, будут для них общими; а это значит почти с необходимостью, что их исток следует искать в социальности»³.

Справедливости ради необходимо отметить, что геополитические воззрения не всегда находят положительный отклик у ученых-социологов. И нам, теоретикам геополитики, необходимо разобратся в споре геополитиков и социологов⁴.

Племянник Эмиля Дюркгейма, французского социолога, чье мнение о социологическом понимании пространства было приведено нами ранее, Марсель Мосс, классик французской и мировой

³ *Durheim E.* Les formes elementaires de la vie religieuse. P.:P.U.F, 1960. С. 15-16.

⁴ *Дугин А.Г.* Геополитика. С. 12.

социологии, критиковал своего немецкого коллегу Фридриха Ратцеля, который заложил основы геополитики и predetermined структуру комплексного метода геополитики.

Фридрих Ратцель, как и наш соотечественник Лев Николаевич Гумилев, был сторонником идей географического детерминизма, в соответствии с которым географические особенности окружающей среды представляются первичной объективной реальностью, а общество, заселившее это пространство, сперва отражает эту объективную реальность (становится субъективным отражением), а затем становится выражением качественного пространства. Ф. Ратцель предполагал, что в качественных пространствах, возникших при схожих географических условиях окружающей среды, возникнут схожие политические институты и социальные нормы, в том числе религиозные. С точки зрения географического детерминизма, развитие общества и его культурные особенности predetermined географическим расположением.

В развитие идей географического детерминизма немецкий этносоциолог Лео Фробениус обосновал, что географические условия окружающей среды оказывают влияние на формирование культур, которые можно систематизировать по принципу типизации жилищ: существуют культура строительства стремящихся ввысь жилищ (шалашей, домов на возвышенностях и пр.), которую Л. Фробениус назвал теллурической культурой, а также культура строительства жилищ в скрытых

от глаз низинах и земле (землянки, дома с подземными этажами), которую немецкий этнолог называл хтонической культурой. Для наглядности предложенной систематизации можно противопоставить, с одной стороны, стремление жителей Нью-Йорка строить небоскребы (теллурическая культура) и, с другой стороны, трепетное, как к музейным экспонатам, отношение москвичей к Московскому метрополитену (хтоническая культура).

Многие социологи, в частности Марсель Мосс, не смогли согласиться со сторонниками географического детерминизма, приводя доводы о том, что в аналогичных ландшафтах формировались разные по своему устройству общества. Социологи утверждают, что все объекты окружающего мира, в том числе горы, равнины и водоемы – это социальные явления, поскольку и горы, и равнины, и водоемы становятся таковыми только по факту их осмысления обществом, формирования отношения к ним. На смену географическому детерминизму социологи предложили социальную морфологию, которая означает, что формирование культур происходит на основании осмысления обществом окружающей среды и выработке отношения к ней.

По мнению М. Мосса, общество не просто отражает географические особенности окружающей среды, как об этом писали сторонники географического детерминизма, а интерпретирует особенности окружающей среды в контексте своей роли и места в мире, в связи с чем, зачастую подчиняя себе природу и изменяя ландшафты. Другими словами, по

мнению социологов, социальная матрица является первичной по отношению к географическому ландшафту. И с этим можно согласиться в контексте того, как общество изменяет ландшафт – прорывая водные каналы, осушая болота и реки, прорубая ущелья в горах и т.д.

В геополитической теории есть такие понятия как «талассократия» – могущество на море и «теллурократия» – могущество на суше. Любопытно, что эти термины могут применяться в отношении прибрежных цивилизаций. Это буквально означает, что одни общества интерпретируют море одним образом, а другие – другим, по-разному определяя свое место во взаимоотношении с морем. В этом же контексте можно рассмотреть культуры мореплавателей и земледельцев, близость к морю далеко не всегда приводило общество к мореплаванию.

Социальная морфология выглядит интереснее географического детерминизма, однако геополитическая методология подразумевает рассмотрение качественного пространства и с точки зрения географического ландшафта, и с точки зрения его осмысления обществом. Это, по мнению А.Г. Дугина, и есть должный путь изучения геополитического пространства. И ландшафт, и интерпретация обществом этого ландшафта следует рассматривать в целостном единстве для формирования объективных представлений о качественном пространстве.

Дискуссии о том, что первично – географический ландшафт или социальные концепции – до сих пор не окончены. Мы занимаем философскую

позицию относительно этого вопроса, на который, по нашему убеждению, не будет найдено ответа точно так же, как на вопросы: «Что первично: курица или яйцо?» или «Что первично: государство или право?» и т.д. По всей видимости, географические особенности окружающей среды и культурные особенности общества участвуют в формировании друг друга на взаимных началах. Геополитика изучает их во взаимосвязи и неразрывно.

Подводя итог сказанному, важнейшим выводом из возникшего спора между геополитиками и социологами являются следующие. Для формирования объективного представления о качественном пространстве геополитики обязаны сопоставлять географические особенности окружающей среды с культурными особенностями общества, при этом определяя доминирующий вектор социальной морфологии или географического детерминизма.

С точки зрения социологической методологии геополитика выходит за рамки подготовки аналитических справок о пространственных представлениях, государственных приоритетах и публичных интересах, выраженных в форме значимых действий в международных отношениях. Социологические методы геополитики работают на выявление первопричин и предпосылок определенных пространственных представлений и действий, учитывая осознанные и бессознательные установки общества. Лишь на основе социологических данных можно делать обоснованные выводы о любых действиях субъектов международных публичных отношений.

Участие отдельно взятого государства в военном альянсе, например, может быть всего лишь вынужденной мерой, направленной на защиту экономических интересов правящей элиты. А международный договор о сотрудничестве может быть отголоском внутривнутриполитических процессов. Другими словами, значимые действия на международной политической арене могут быть истолкованы неправильно без должного понимания процессов принятия того или иного решения.

Термин «геополитика» происходит от двух греческих слов: «гео» – земля и «полис» – город, от второго происходят однокоренные слова «политика» и «полиция», что в общих чертах означает способы управления городом. Социологический аспект геополитики вводит в формулу этого термина новый элемент – общество. Общество, в свою очередь, отражает, осмысливает и дополняет как «гео» – пространство и политику в контексте способа управления обществом, так и взаимосвязь «гео» и «политики», в совокупности приобретающую новые качества, которыми не обладают «гео» и «политика» по отдельности.

А.Г. Дугин выводит три инстанции геополитики следующим образом:

- 1) общество
- 2) политика, государство, власть, право
- 3) качественное пространство, географические представления, интерпретации пространственных, климатических и природных явлений⁵.

⁵ Дугин А.Г. Геополитика. С. 16.

Причем, общество является базовой инстанцией геополитики, а политика и качественное пространство являются производными из общества явлениями.

Такой подход выводит геополитику на совершенно новый уровень в системе гуманитарных наук. Основоположники новой географии заметили взаимосвязь между географией и политикой, однако только после введения в теорию геополитики социологического компонента и признания общества фундаментальной инстанцией геополитики появилась причинно-следственная связь между географией и политикой, пространство стало качественным, а политика – проявлением социальных концепций.

§2. Геополитика в контексте социологической методологии: понятие пространства

Рассмотрим генезис понимания пространства в контексте социологической методологии геополитики. Российская школа геополитики понимает пространство как социальный концепт – и это отличает российскую научную школу от западных школ по данному вопросу.

Одним из первых ученых, осмысливших пространство, был французский философ Нового времени, основоположник аналитической геометрии Рене Декарт. Мы все знакомы с декартовой системой координат. Так вот пространство по Декарту понимается с материальной точки зрения как объект,

т.е. немыслящая вещь, не имеющая качественных характеристик. Западный подход к материальному пониманию пространства был дополнен Исааком Ньютоном, английским физиком, который, в свою очередь, дополнил представление о пространстве как о протяженной вещи, обосновав, что пространство – это объективное физическое начало, предшествующее всем вещам. Западный подход к пониманию пространства основан на воззрениях, что пространство обладает количественными, но не качественными характеристиками. Это означает буквальное равенство любой точки в однородном пространстве другой точке в том же пространстве.

Западноевропейское понимание пространства проникло в Россию при Петре I, сначала в высшую школу России, а затем в систему школьного образования. Забегая вперед, скажем, что западноевропейское общество – это антагонист российского общества по многим геополитическим основаниям, поэтому и представление о пространстве западноевропейской и российской цивилизациями различно. А внедренный сизмальства в наши представления о пространстве западноевропейский подход является не более, чем культурным импортом, как западноевропейская мода и западноевропейские ценности.

Опасность западноевропейского подхода к пониманию пространства как протяженной однородной вещи, не обладающей качественными характеристиками, заключается в том, что этот подход исключает даже самую возможность существования других пространств – наделенных качественными

характеристиками. Эта слепая вера в отсутствие качественных пространств делает нас ограниченными в восприятии мира и понимании происходящих процессов, эта вера приводит к социальной слепоте и притуплению аналитических навыков у человека.

Исследуя подходы к пониманию пространства, мы приходим к выводу, что с изменением качественных характеристик общества меняется и понимание пространства. Какой же подход к пониманию пространства «отменяли» Декарт и Ньютон? – представление древних о существовании своих и не своих, правильных и неправильных мест у всех вещей – что древними представлялось причиной движения. Аристотель обосновывал движение стрелы, выпущенной лучником, тем обстоятельством, что она движется, чтобы найти сердце врага, чтобы поразить его, потому что сердце, в данном случае, является правильным местом для нахождения стрелы. Ценность аристотельского подхода заключается в понимании того, что у каждой вещи есть своя цель, а значит – и ценность. Наличие цели в самом себе, как в отношении вещи, так и человека, на наш взгляд, является залогом определенности и целостности человеческого бытия. Человек, представляющий собой цель, определен в своих намерениях, лишен мук сомнений, вступает в общественные отношения, которые приближают его к цели. Человек-цель способен определять задачи и методы их выполнения, подбирать инструментарий и следовать концептуальному представлению о жизни. Этот подход к пониманию

пространства наиболее релевантен российскому обществу, о чем свидетельствует народная мудрость, наилучшим образом сформулированная в пословице «без труда не выловишь рыбку из пруда», в которой прослеживается непосредственная причинно-следственная связь.

Второй, но не менее важный аспект аристотельского качественного пространства заключается в переменчивости пространства, поскольку все вещи, имеющие свои цели, могут сталкиваться и мешать друг другу в достижении целей. Это дает понимание о существовании точек в пространстве, характеризующихся отдаленностью вещи от своей цели.

Необходимо отметить, что постановка вопроса о правоте Аристотеля или Декарта некорректна с точки зрения геополитики. Как мы отмечали выше, определение пространства меняется при изменении характеристик общества.

Отрицание учения Аристотеля в эпоху Нового времени – это процесс создания нового типа общества, основанного на количественных показателях пространства вместо качественных.

Сама западноевропейская наука уже подвергла критики и переосмыслила декартовское пространство в теориях Альберта Эйнштейна, Нильса Бора и др. Новые физические теории (теория струн, теория большого взрыва, методология квантовой физики и др.) обосновывают новые причудливые для понимания понятия пространства. Так как большинство людей неглубоко разбирается в теоретической физике, мы в своем большинстве до сих

пор находимся на понимании пространства как некой протяженной однородной вещи или, в лучшем случае, допускаем существование количественных и качественных пространств одновременно, рассматривая декартовое пространство как рациональную абстракцию, которую в природе встретить невозможно. С точки зрения геополитики, возникновение новых теорий о пространстве свидетельствует о подготовке общества к переходу на новый этап своего развития, поскольку пространство является социальным концептом – отражением доминирующих в обществе социальных установок.

Как мы уже отмечали ранее, геополитика оперирует понятием «качественное пространство», не соответствующим научным подходам Нового времени, которые никак не могут служить для исследования предпосылок тех или иных внешнеполитических действий. Только качественное пространство может быть объектом прикладного анализа внешней политики, международных отношений и военной стратегии.

Геополитическое пространство – явление комплексное, поддающееся анализу на трех уровнях.

На первом уровне речь идет о пространственных представлениях традиционного общества, сформированных согласно воззрениям Аристотеля о смыслах, которыми общество наделяет особенности окружающей среды и ландшафта. Для геополитики принципиально важно место, где происходят политически значимые события, а также то, какими смыслами общество наделило окружающий

ландшафт, насколько отразило или изменило его. Пространство всегда интерпретирует социальные концепции, благодаря чему становится возможным предполагать о приоритетах, интересах и ценностях общества.

Качественное пространство предлагается понимать как живой окружающий мир, который, с одной стороны, оказывает влияние на формирование общества, а с другой стороны отражает осмысленное воздействие общества на среду. Как любой живой организм наделен своими качествами, как внешними, так и внутренними (характером, нравом и пр.), так и качественная среда, всегда разная, имеет свои особенные внешние и внутренние черты. Внешние черты качественной среды проявляются в природных объектах и явлениях – наличии моря, гор или степей, например. А внутренние черты качественной среды – это особенности социальных концептов. Свободолюбие казаков и их воинский дух, например, рассматриваются в связке со степным ландшафтом, исторически граничащим с исламским обществом. Российское пространство – это бескрайняя земля с холодным климатом и множеством лесов, породившее феномен «русской войны», военной стратегии, позволяющей бесконечно долго отступать в глубину страны, изматывая врага, чтобы разбить его в контрнаступлении (так были разбиты французская армия в Войне 1812 г. и армия фашистской Германии). Японское общество, напротив, характеризуется маленькими пространствами как государственными territori-

альными, так и бытовыми пространствами самих японцев. В этом отношении к пространству находится первопричина русско-японского спора о Курильских островах. Национальная закомплексованность японцев, возникшая вследствие особенностей жизни на островах, где земля и территория является конечным ресурсом, усугубленная последствиями подписания Акта о безоговорочной капитуляции от 2 сентября 1945 г. и включении всех курильских островов в состав СССР, государства, занимающего 1/6 часть суши Земли, – все это движет Японией на совершение действий по оспариванию принадлежности ряда островов Курильской гряды.

На втором уровне геополитикой рассматривается пространство в контексте воззрений Нового времени, которые разделяли некоторые геополитики, в частности ее основоположник Фридрих Ратцель. Ф. Ратцель и его последователи, в том числе великий Шарль Монтескье, обосновавший принцип разделения функций государственной власти, став одним из основателей конституционализма, считали, что общество отражает пространство, т.е. буквально деформируется под влиянием географических особенностей окружающей среды. Это, конечно, тоже имеет место быть в двух случаях:

- 1) во-первых, когда общество умышленно не осмысливает пространство, выбирая путь созерцания, как это бывает в индийском обществе, например.
- 2) во-вторых, когда общество осмысливает пространство, но не имеет ресурсов его изменять, как это происходит в африканском обществе,

например, в Кении и Эфиопии. Бывает так, что люди хотели бы подчинить себе большие засушливые расстояния в условиях жаркого климата, построив скоростные магистрали, средства передвижения и инфраструктуру с системами управления климатом, но не могут. В таких случаях общество безоговорочно отражает ландшафт, а Олимпийские марафоны чаще всего выигрывают самые выносливые бегуны из Кении и Эфиопии.

Географический детерминизм, материалистический, в духе воззрений Нового времени, поход к геополитике утверждает, что климатические и географические особенности пространства поощряют развитие одних направлений деятельности общества и сдерживают другие, что оказывает влияние на формирование публичной администрации, органов государственного управления и характер международных отношений.

Доминирующее положение анализа пространства на втором уровне присуще англосаксонской и немецкой школам геополитики, где под пространством понимается поле развертывания средств контроля и прагматического управления политическими процессами. В этом контексте необходимо ввести в наш оборот имена американского историка Альфреда Тайера Мэхэна, который, как и британец Хэлфорд Макиндер, имел сугубо прагматичные взгляды на пространство как на среду, в которой развертываются международные отношения, основанные на геополитическом анализе. Представители англосаксонской геополитической школы

редко выходили за рамки понимания пространства как объективной реальности, что, в свою очередь, тоже вполне объяснимо геополитическим методом.

На третьем уровне геополитика способна спроецировать свою методологию на среды, которые ранее никогда как качественное пространство не рассматривались, например, виртуальная реальность, цифровая экономика, космическое пространство, сетевые взаимодействия, экономические пространства, трансграничные сетевые взаимодействия и пр. Философы-постмодернисты вводят в научный оборот такое понятие как геофилософия, исследуя вопросы диалога культур запада и востока в контексте цивилизационных интерпретаций пространства.

Исследование геополитического пространства подразумевает проведение трехуровневого анализа в целостном единстве всех трех подходов, изложенных выше. При наложении друг на друга результатов прикладной аналитики по каждому из этих уровней геополитическое резюме о конкретном качественном пространстве становится наиболее объективным, позволяющим соотнести представления о пространстве с политически значимыми действиями субъектов международных публичных отношений, осмыслить истинность намерений на совершение этих действий, спрогнозировать сценарии возможного, разработать стратегию контроля за этим пространством и пр.

Любопытно, что в контексте социологической методологии геополитики содержание научных

воззрений той или иной геополитической школы, распространенной на определенной территории, также является источником информации о качественном пространстве как концентрированное осмысление окружающего ландшафта в сравнении с другими пространствами.

§3. Геополитика в лицах: Фридрих Ратцель

Фридрих Ратцель родился в 1844 г. в Германии, обосновал антропогеографию и политическую географию как самостоятельные научные направления, при объединении которых возникает геополитика.

Ф. Ратцель осуществлял научную деятельность в области географии и этнологии. Начав свое обучение в Политехническом университете Карлсруэ по курсам геологии, палеонтологии и зоологии, Ф. Ратцель переехал в Гейдельберг, чтобы стать учеником профессора Эрнста Гекеля – основателя экологии как научного направления. В работах Ф. Ратцеля прослеживается приверженность идеям дарвинизма и эволюционизма с упором на исследования в области биологических наук.

Ветеран – доброволец франко-прусской войны против империи Наполеона III Фридрих Ратцель стал ярым сторонником идей национализма и участником Пангерманской лиги, основанной Карлом Петерсом.

Фридрих Ратцель продолжил свою академическую карьеру, став профессором географии

в Мюнхенском университете, где начал углубленно изучать проблемы этнологии, а в 1886 г. Ф. Ратцель переводится в Университет Лейпцига. В процессе активной академической мобильности по странам Европы и Америки Ф. Ратцель утверждает в своих антропогеографических воззрениях.

В возрасте 32 лет Ф. Ратцель защищает диссертацию по тематике китайской эмиграции и публикует в Штутгарте результаты своего фундаментального исследования под общим названием «Антропогеография». Научный вклад Ф. Ратцеля заключается в обосновании взаимосвязи между географией и эволюционным развитием народов, географических особенностей окружающей среды, с одной стороны, и политической системой – с другой.

Рассмотрим основные выводы Ф. Ратцеля (в интерпретации А.Г. Дугина)⁶, имеющие ключевое значение для формирования геополитической теории.

Первое. Человечество едино и его отдельные этнические и социальные сегменты подчиняются общей логике развития.

Единство целого и его частей, подчиненность частей целому и их взаимосвязь является, на наш взгляд, одним из проявлений геополитической диалектики. Несмотря на существующую критику, в первую очередь со стороны социологов, данного тезиса, нам он представляется обоснованным с некоторыми оговорками. Конечно, речь идет не о буквальной аналогии части и целого, а об интер-

⁶ Дугин А.Г. Геополитика. С. 33.

претации и толковании целого в контексте части, и наоборот.

Второе. Государство – это живой организм.

Да, государство сродни живому организму, имеющему как внешние, так и внутренние черты. «Внешность» государства – это его география: ландшафт, климат, животный и растительный мир. География государства, как и внешность человека, соответствует его внутреннему миру, его установкам, ценностям, целям и пр. Как нет на Земле двух абсолютно одинаковых людей, так не существует двух одинаковых государств.

В свое время Омар Хайям в своей притче о красивом лице провел аналогию между красивым лицом и высоким социальным положением его обладателя. Между внешностью и внутренним содержанием живого организма существует естественная связь: антропометрическая предрасположенность может определять род деятельности человека и специфику его характера, а также наоборот – образ жизни меняет внешность человека. По аналогии с этим географические особенности территории предопределяют политическое устройство государства, а также политика как производная социальных концептов может преобразовать географию. Это верно, поскольку государство – это живой организм.

В этом контексте Ф. Ратцель внес в теорию геополитики два термина – «пространственный смысл» и «жизненная энергия», используя их для обозначения особых качеств, присущих определенному пространству, которые проецируют форму государ-

ственного устройства, форму политического режима и форму правления, а также ценностное наполнение правовых норм и политических актов.

Третье. Государство – это экологическая среда.

Являясь учеником Эрнста Гекеля, Ф. Ратцель не мог игнорировать эпистемологию экологии, поэтому он рассматривал государство как экосистему, в которой этнос взаимодействует с окружающей средой.

Из характера этих отношений, во-многом определенным их географическим компонентом, формируется приверженность общества к своей земле. Обработывая почву, приспособляясь к использованию силы течения рек и создавая условия жизни на определенном ландшафте, общество и природа становятся единой экосистемой, что приводит к формированию общественной идентичности в контексте территориальной привязанности к экосистеме. Таким образом, наряду с национальной идентичностью мы можем встретить идентичность по признаку принадлежности к экосистеме. (Например, человек может идентифицировать себя по национальности – «Я даргинец», или по экосистемной принадлежности – «Я ребенок гор».)

Четвертое. Государство может сужаться и расширяться в зависимости от внутренних и внешних факторов.

Это верно во всех смыслах. Государство может расширять свои территории, если имеет на это «жизненную энергию», силы, ресурсы и волю.

Государство может терять свои территории, теряя свою «жизненную силу» и не имея возможности сопротивляться другому государству, расширяющему свою территорию. Данное обстоятельство делает государственные границы явлением переменчивым. Более того, это буквально означает, что история государства может иметь конец, поскольку, сужаясь и расширяясь, государства могут объединяться, поглощаться и распадаться. Этот тезис соотносится со вторым тезисом Ф. Ратцеля о государстве как о живом организме, который рождается и умирает.

Пятое. Существуют законы территориальной экспансии государства.

Обосновав подход к пониманию государства как живого организма, а также подвижность границ, Ф. Ратцель вывел семь законов территориальной экспансии государства:

1) протяженность государства увеличивается по мере развития его культуры;

2) прирост территорий государства всегда сопровождается ростом других показателей развития общества экономического и/или политического характера;

3) территориальная экспансия обоснована естественным процессом поглощения менее значимого и менее могущественного политического образования более значимым и могущественным;

4) принимая во внимание подход к пониманию государства как живого организма, его граница является «кожным покровом» организма, т.е. бук-

важно – органом со своими жизненными функциями;

5) территориальные векторы экспансии обоснованы стремлением присоединить к территории государства необходимые для его развития ресурсы, выраженные в географических объектах, например - выход к морю или доступ к природным ресурсам;

6) провокатором экспансии является государство с более низким уровнем цивилизационного развития;

В теории геополитики у государства нет права на слабость.

7) тенденция поглощения сильной цивилизацией слабых обществ – это тенденция укрупнения территорий, которая подпитывает сама себя.

Семь законов территориальной экспансии Ф. Ратцеля, сторонника идей национализма, были восприняты его современниками как научное обоснование империалистических взглядов фашистской Германии. Нам, как теоретикам геополитики, необходимо относиться к этим законам как к инструментарию интерпретации истории государства в контексте его соотношения со своей территорией.

Шестое. Государства адаптируются к ландшафту.

Общество, заселяющее определенное пространство, выраженное в ландшафте, всегда стремится использовать его преимущества и преодолеть его недостатки. Эта деятельность оказывает непосредственное влияние на формирование систе-

мы ценностей, общественного уклада и политической системы.

Изложенные нами основные научные воззрения Ф. Ратцеля во многом сформировались при изучении культур Северной Америки во время его поездок.

Освоение Америки переселенцами из Европы, имеющими за своей спиной многовековую историю становления европейского общества, представляло значительный исследовательский интерес. Усиленные знаниями и европейским опытом устремление колонистов освоить пустое пространство привело, во-первых, к условно равномерному экономическому и политическому развитию всех штатов, а во-вторых, к появлению обоснованной Ф. Ратцелем концепции «мировой державы», которая характеризуется тенденцией к максимальной территориальной экспансии, буквально планетарного масштаба.

В развитие концепции мировой державы, которую Ф. Ратцель «примерял» на Германию, он определил ключевую роль моря в вопросах территориальной экспансии, выходящей за рамки континентальной модели.

Тему моря немец Фридрих Ратцель считал очень важной, изучая опыт интуитивного развития мореплавания обществами, в ландшафтах которых изначально присутствовало море – например, Голландией, Англией и Испанией.

В своей книге «Море – источник могущества народов» Ф. Ратцель характеризовал мировую дер-

жаву, среди прочего, признаком наличия развитого военно-морского флота. Наличие развитых сил ВМФ представлялось Ф. Ратцелю основой для реализации всемирной территориальной экспансии.

На основании этих научных выкладок о соотношении моря и мировой державности, при проведении практических геополитических анализов, можно с уверенностью прогнозировать стремление растущих цивилизаций занять прибрежные территории.

Помимо книги «Море – источник могущества народов» и диссертации «Антропогеография», Фридрих Ратцель оставил после себя сочинения, переведенные на русский язык: «Земля и жизнь: сравнительное земледование», «Народоведение» и «Политическая география».

Исследования Фридриха Ратцеля о соотношении моря и мировой державы были впоследствии продолжены Хэлфордом Макиндером, Карлом Хуасхофером и Карлом Шмиттом.

Фридрих Ратцель умер в 1904 г., войдя в историю как один из основоположников новой географии – геополитики.

§4. Геополитика в лицах: Альфред Мэхэн

Альфред Тайер Мэхэн, американский военно-морской стратег, историк, контр-адмирал и один из основателей геополитики, родился в 1840 г.

В 1859 г. А. Мэхэн окончил Военно-морскую академию США, после чего в составе сил Севера

участвовал в Гражданской войне. В качестве военачальника командовал боевым крейсером Чикаго. А. Мэхэн пользовался заслуженным уважением президента Теодора Рузвельта, который в начале своей политической карьеры был заместителем военноморского министра, в связи с чем глубоко понимал теоретические и практические выкладки А. Мэхэна по вопросам закономерностей войны на море.

Альфред Мэхэн по достоинству занимает свое место в ряду основоположников геополитики, хотя никогда не употреблял этот термин. Однако Теория морской силы, разработанная А. Мэхэном, позволяет нам с уверенностью говорить о его приверженности геополитической методологии. Воззрения А. Мэхэна легли в основу англосаксонской геополитической школы и были восприняты всеми существующими научными школами геополитики⁷.

Теория А. Мэхэна была изложена в его научных трудах: «Влияние морской силы на историю», «Влияние морской силы на французскую революцию и империю», «Заинтересованность Америки в Морской силе в настоящем и будущем», «Проблема Азии и ее воздействие на международную политику» и «Морская сила и ее отношение к войне 1812 г.».

Используемый А. Мэхэном термин «Sea Power» интерпретируется русскоязычными учеными либо как «Морская сила», либо – «Морское могущество». Под этим термином А. Мэхэн понимал стратегическое превосходство военного, политического и экономического характера посредством

⁷ Дугин А.Г. Геополитика. С. 37.

эффективного использования морских пространств как путей сообщения, а также установление контроля над береговыми линиями, как своих водных границ, так и границ противника⁸. А. Мэхэн утверждал, что оборона собственной береговой линии начинается у берегов противника. Недооценка значения владения морем, как полагал А. Мэхэн, привела к концу империи Александра Македонского, Наполеона Бонапарта и Ганнибала Барки.

Говоря о противниках, А. Мэхэн всегда противопоставлял обладавшую морским могуществом мировую державу США сухопутной России.

В силу тех обстоятельств, что А. Мэхэн пользовался уважением Т. Рузвельта, его теории проверялись на практике, а предложения становились частью внешнеполитических действий США. А. Мэхэна можно назвать полноправным политиком, который регулярно участвовал в военных и дипломатических миссиях США, вплоть до участия в составе американской делегации на Гаагской конференции, заложившей начало международного гуманитарного права, устанавливающего правила войны. На протяжении всего XX века военная стратегия США полностью соответствовала стратегическим установкам А. Мэхэна, а результаты военных действий США во Второй мировой войне доказали абсолютную правоту А. Мэхэна в определении векторов военной стратегии США. Обеспечив доминирование на море, США смогли начать реализацию своей глобальной стратегии.

⁸ *Дугин А.Г.* Геополитика. С. 38.

Как и предполагал Альфред Мэхэн, став могущественной военно-морской державой, США начали успешно использовать этот задел для наращивания своего экономического могущества. Подконтрольные США морские пути стали использоваться для международной торговли. Альфред Мэхэн отождествлял морское могущество с объективными предпосылками становления мировой торговой империи.

Деловой цикл мировой торговой империи, по замыслу А. Мэхэна, состоит из производства товаров, товарообмена по морским путям, навигации и колоний, обеспечивающих распространение американских товаров по всему миру. Другими словами, по Альфреду Мэхэну, США – это мировая торговая империя, а все остальные страны – торговые колонии США. Еще одним важным аспектом теории морской силы является то обстоятельство, что в ее формуле из трех элементов только один относится к самому морю – это навигация, остальные два компонента соотносятся с сушей. Так, морская сила – это термин, означающий далеко не только деятельность на море, но и на суше. Морская сила, по А. Мэхэну, должна быть частью большой политики.

Практический геополитический анализ по А. Мэхэну состоит из аналитической работы по шести направлениям: географическое расположение государства (наличие выхода к морям и мировому океану, протяженность сухопутных границ и возможность обеспечивать безопасность ключевых приграничных регионов, а также способность угро-

жать врагу с моря), прибрежная инфраструктура государства (военная и торговая), протяженность береговой линии, профессиональные человеческие ресурсы (необходимые для судостроения, обслуживания и эксплуатации кораблей), особенности национального характера (позволяющие или не позволяющие активно развивать торговые отношения), политический режим.

Как видно из приведенной теории, морское могущество военного характера взаимосвязано с морским торговым могуществом, при котором военно-морской флот США выступает гарантом безопасности морских торговых путей и экономической экспансии. Получается, что свобода морской торговли обеспечивается силами военно-морского флота.

Опережая в своих догадках британца Хэлфорда Макиндера и немца Карла Шмитта, Альфред Мэхэн, по сути, говорит о существовании морской и сухопутной цивилизаций, причем морская цивилизация, по мнению А. Мэхэна, является предпочтительной по сравнению с сухопутной в вопросах установления господства мировой державы.

А. Мэхэн сформулировал принцип отношения к морю не как к крепостному рву, а как к дороге. Безусловно, реализация этого принципа привела к поглощению или подавлению прибрежных обществ, которые воспринимали море как естественный защитный барьер, укрепленную самой природой границу.

Теория морской силы или морского могущества была воспринята повсеместно, даже в странах

сухопутной (континентальной) цивилизации. Немецкий адмирал Тирпиц, например, отрефлексировал учение А. Мэхэна принялся активно развивать флот. Две книги Альфреда Мэхэна были переведены на русский язык и изданы в СССР.

Как известно, Альфред Мэхэн искренне разделял воззрения пятого президента США Джеймса Монро в части идеи о соблюдении принципа взаимного невмешательства американских государств в дела Европы, и наоборот. Д. Монро полагал, что первостепенная задача США – это экспансия на соседние территории и установление доминирующих политических позиций США на двух американских континентах. Аналогично воззрениям Д. Монро, А. Мэхэн моделировал стратегию установления мирового господства США поэтапно – сначала на континенте, затем – в мире. Дело в том, что на рубеже XIX–XX веков США еще не были могущественным государством, более того, они даже не считались морской державой. Сам Хэлфорд Макиндер в 1905 характеризует США как сухопутную (континентальную) цивилизацию, оценивая морскую силу США исключительно в контексте периферии Английской Империи, отводя США полуколониальное положение.

Американское геополитическое чудо состоялось благодаря выполнению следующих поставленных А. Мэхэном задач:

- 1) активное сотрудничество США с английской морской державой;
- 2) создание непреодолимых препятствий на пути становления германского морского флота;

3) контроль и противодействие японской экспансии в Тихом океане;

4) координация совместных с европейским обществом действий против народов Азии⁹.

А. Мэхэн верил, что путь морской силы приведет США к экономическому, политическому и идеологическому господству в мире на смену Британской Империи.

Геополитические оценки А. Мэхэна в отношении «непрерывной континентальной массы Российской Империи, протянувшейся от западной Малой Азии до Японского меридиана на Востоке» определяли Россию как долгосрочного антагониста морской силе США.

А.Г. Дугин легко соотносит Теорию морской силы с конкретными внешнеполитическими актами и действиями США. А. Мэхэн масштабировал на глобальный уровень принцип анаконды, который применялся силами Севера против южан в Гражданской войне 1861–1865 гг. Принцип анаконды заключался в блокировании водных путей сообщения, повсеместных угрозах и нападениях на Юг с воды. Такой способ ведения войны изматывал противника и истощал его ресурсы и силы. Воспринимая континентальные цивилизации как геополитических врагов, США всегда стремятся к применению принципа анаконды в целях воспрепятствования другим цивилизациям стать обладателями морского могущества, различными методами США вдавливают своих геополитических оппо-

⁹ Дугин А.Г. Геополитика. С. 40.

нентов (Германию и Россию) вглубь континента, отрезая возможные выходы к морю. По своей сути, вся стратегия сдерживания НАТО является реализацией принципа анаконды, применяемого с целью сдерживания территориальной экспансии России в сторону морских путей.

Альфред Мэхэн умер в 1914 г., но технологическое развитие цивилизаций в XX и XXI веках свидетельствует о продолжающейся борьбе за морское могущество. На боевое дежурство шести стран мира поставлены атомные подводные лодки, имеющие стратегическое значение – обеспечение военного преимущества на море, на смену линкорам пришли авианосцы, а 90% мировой торговли осуществляется по морским путям.

§5. Геополитика в лицах: Рудольф Челлен

Юхан Рудольф Челлен, историк и политолог, впервые употребивший термин «геополитика», родился в Швеции в 1864 г. Р. Челлен был последователем воззрений Фридриха Ратцеля.

Рудольф Челлен преподавал политологию и историю в университетах Швеции в Уппсале и Гетеборге. Наряду с академической карьерой Р. Челлен был политиком – членом законодательного собрания Швеции. Р. Челлен не имел профессиональных компетенций в географии и рассматривал геополитику как часть политологии, определив геополитику

литику как науку о государстве как географическом организме, воплощенном в пространстве¹⁰.

Помимо геополитики Р. Челлен ввел в научный оборот еще несколько понятий, которые, как он полагал, должны занять свое место в системе политических наук. Этими понятиями были «экополитика», «демополитика», «социополитика» и «кратополитика».

Экополитика Р. Челлена не имела ничего общего с экологией и экосистемами, под экополитикой Р. Челлен понимал научное направление, изучающее государства с точки зрения его экономического могущества.

Под демополитикой Р. Челлен понимал свою интерпретацию антропогеографии Фридриха Ратцеля, изучающую влияние общества на формирование государства и политических институтов.

Социополитика Р. Челлена состояла в изучении государства как социального явления, а под кратополитикой понималась система знаний о формах правления и политических режимов в контексте социально-экономических факторов.

Из предложенных Р. Челленом терминов устоялась только геополитика. Происхождение термина «геополитика» очевидна – от греческого «полис» (государство) и «гео» (земля). По Р. Челлену геополитика представляется разделом политологии, изучающим отношение государства как политической системы и политического организма

¹⁰ Р. Челлен «Государство как форма жизни». М.: Издательство «Российская политическая энциклопедия. 2008.

к земле как территории, ландшафту и пространству. Р. Челлен первым предложил систематизацию знаний в области политического анализа, определив, что неотъемлемой частью этого анализа является исследование отношения государства к пространству. С этого момента можно говорить о появлении геополитики как научного направления, а отдельные исследования и исследователи в этой области, предшествовавшие Р. Челлену, с этого момента понимаются как предвестники зарождающегося научного направления – геополитики. Сам Р. Челлен отводил геополитике роль одного из направлений практического политического анализа, наряду с экополитикой, демополитикой, социополитикой и кратополитикой. Но с момента введения в геополитику социологического компонента геополитика начинает вмещать в себя все указанные направления прикладного политического анализа, а геополитика оформляется как самостоятельное научное направление.

Ортодоксальное представление Р. Челлена о геополитике сводилось к изучению отношения политических единиц, высшей из которых Р. Челлен называл государство, к пространству власти.

Р. Челлен все же предчувствовал социологическое влияние на формирование геополитической методологии и интуитивно понимал государство не как систему государственных органов, осуществляющих государственно-властные полномочия, а как живой организм, саморазвивающуюся живую систему. Эти и другие мысли об органицистском

подходе к пониманию государства Р. Челлен обосновал в своей главной научной работе «Государство как форма жизни». Р. Челлен систематизировал и развил идеи своего учителя и предвестника геополитики – Фридриха Ратцеля, в первую очередь о том, что государство – это проявление жизни, а не аппарат управления обществом.

Необходимо отметить, что в философии до сих пор существуют два основных подхода к пониманию государства – феноменологический, в соответствии с которым государство рассматривается как феномен, возникший вследствие естественного развития общественных отношений, а также подход, в соответствии с которым государство рассматривается как рукотворная организация, возникновение которой имеет прагматический смысл. Европейские философы XIX века, по всей видимости оказавшие влияние на научные взгляды Р. Челлена, называли государство одной из форм живой природы. Радикально другой подход сформулирован марксистами, которые считали государство аппаратом принуждения неправящего большинства правящим меньшинством. По этому поводу А.Г. Дугин приводит очень красивые, на наш взгляд, метафоры – часы и дерево. Метафора часов соотносится с «механическим» пониманием государства как совокупности функционально связанных друг с другом элементов. А метафора дерева соотносится с «естественно-научным» представлением о государстве. Живую систему невозможно разобрать на части, не погубив ее. Любопытно, но не только

органицистика проникла в социо-гуманитарные науки, но и механицистка имеет место в естественно-научном знании, например в генной инженерии.

Этот спор органицистов и механицистов в художественной форме изложен в книге о творении Доктора Франкенштейна. Как известно, срубленное дерево не может снова начать расти, а собранный из частей разных людей человек ожить... Или может?

Как бы там ни было, современная геополитика находится в системе органицистских воззрений, поскольку с точки зрения геополитики государство, общество и пространство находятся в неразрывной связи, при которой общество наделяет смыслами пространство, меняя его или изменяясь под его влиянием, а государство является выражением социальных концепций, т.е. буквальным продуктом общества. С точки зрения геополитики, невозможно перевезти общество из одного пространства в другое, чтобы при этом оно осталось прежним. Вспомним историю освоения Исландии викингами. На новой земле воинствующий народ освоил коллегиальные способы управления, отказался от традиций кровной мести и основал одно из самых миролюбивых обществ на современной карте мира.

Рудольфа Челлена, как и его учителя Фридриха Ратцеля, вместе с другими ранними геополитиками, критиковали за приверженность идеям географического детерминизма, определявшим об-

щество как отражение ландшафта, т.е. исключая социологический компонент геополитики.

Как же определяется детерминизм с точки зрения сугубо политического подхода к пониманию геополитики? Детерминизм переводится как предопределенность, таким образом под географическим детерминизмом понимается предопределенность политического устройства общества на основании особенностей окружающей среды, ландшафт и география предопределяют все социальные концепты.

Ярким примером географического детерминизма является одна из теорий происхождения государства, которая вошла в содержание научных дискуссий как потамическая теория цивилизаций. «Потамос» переводится с греческого как река. Потамическая теория обосновывает предопределенность возникновения обществ и государств в местах пересечения или максимального приближения русел рек друг к другу. На территориях, где реки были отдалены друг от друга или текли параллельно, общественные отношения осуществлялись неинтенсивно, развитие обществ происходило в замедленных темпах, в отличие от благоприятных для этого мест пересечения рек.

В историческом контексте тезисы потамической теории звучат обосновано и убедительно. Из истории цивилизаций мы знаем, что одна из великих цивилизаций древнего мира Месопотамия образовалась в Междуречье, между реками Тигр и Ефрат. Еще одним из благоприятных мест для раннего зарождения цивилизации являлась дельта Нила,

которая стала основой для формирования ирригационного общества Древнего Египта. Густая полноводная сеть рек Италии, наиболее известная из которых, но только третья по величине, это Тибр - река, как говорил родившийся у истока Тибра Бенито Муссолини, освещенная судьбой Рима или, корректнее с точки зрения географического детерминизма, осветившая его судьбу. Москва, кстати, располагается на пересечении бассейнов крупнейших рек Европы - Волги и Оки.

Потамическая теория цивилизаций также верна в контексте более позднего по сравнению с Западной Европой формирования германской варварской цивилизации на территориях, где реки в большей степени текут параллельно, не образуя густую речную сеть. Аналогичным образом медленнее европейской части России формируется общество в Сибири.

Современные геополитики зачастую указывают на неактуальность потамической теории цивилизаций, поскольку реки давно перестали быть единственными стратегическими путями, соединяющими территории. Однако это верно лишь отчасти. Потамическая теория остается актуальной для определения возраста цивилизации, из которого следует множество выводов по поводу устоявшихся в культуре ценностей, их устойчивости и интерпретации.

Совершенно точно, что Адольф Гитлер изучал труды Р. Челлена, поскольку некоторые введенные Рудольфом Челленом в научный оборот понятия используются в манифесте фюрера «Майн кампф».

Наряду с «Государством как форма жизни», изданным в 1916 г., классическими книгами Р. Челлена по геополитике являются «Великие державы», изданная в 1914 г., а также «Политические проблемы Мировой войны», опубликованная в 1916 г. Не менее интересной с точки зрения геополитической теории является книга Р. Челлена «Введение в географию Швеции», в которой он предложил концепцию шведского дружественного нейтралитета, которой шведы пользуются по сей день.

Рудольф Челлен умер в 1922 г., став наряду с Фридрихом Ратцелем, Александром фон Гумбольдтом и Карлом Риттером одним из всемирно признанных отцов немецкой школы классической геополитики.

§6. Геополитика в лицах: Хэлфорд Макиндер

Хэлфорд Джон Макиндер (в некоторых русскоязычных источниках указан как Маккиндер) родился в 1861 г. Х. Макиндер – английский геополитик, которому удалось успешно совместить научную деятельность с реальной политической работой. Сэр Х. Макиндер по праву считается человеком, систематизировавшим геополитическую науку, оформив ее методологию, сформулировав принципы и обосновав порядок применения геополитического анализа на практике. Хэлфорд Макиндер в течение 12 лет был членом Британского Парламента от шотландской партии юнионистов. Х. Макиндер служил членом Её Величества Почтенней-

шего Тайного Совета – совещательного органа при Британском монархе, который в рассматриваемые времена имел реальное влияние и функционал в вопросах отправления монаршей власти.

Прорывной работой в области геополитики стала публикация Хэлфорда Макиндера на тему «Географическая ось истории», концептуально оформив постановку проблематики в публикации «По поводу методов Новой Географии».

Х. Макиндер основал Географическую ассоциацию Великобритании, а также выступал в качестве одного из соучредителей Лондонской экономической школы, которую впоследствии возглавлял.

Х. Макиндер участвовал в реализации внешней политики Великобритании в должности Высшего британского комиссара по Украине, где мог опробовать на практике свои геополитические воззрения, в составе войск Антанты, в которой по сути обеспечивал оказание политической, финансовой и материально-технической помощи Великобритании белому движению генерала А.И. Деникина и барона П.Н. Врангеля (целью Белой гвардии было свержение советской власти в ходе Гражданской войны 1917-1922 гг.).

В «Географической оси истории» Х. Макиндер описывал противостояние Английской и Российской империй, которое вошло в историю под названием «Большая игра». Победителя в «Большой игре» ожидал внешнеполитический контроль над стратегически и экономически важными территориями Индии, Афганистана, Ближнего Востока, а также

Кавказа. Интересом Англии в «Большой игре» было сохранение доминирующих позиций как мировой державы в Азии. Россия, в свою очередь, боролась за качественно новый уровень своего могущества, который мог быть обеспечен свободным выходом к южным морям, а также контролем над экономически развитыми торговыми территориями.

В процессе описания глобального противостояния двух держав в Азии Х. Макиндер оформил все основные тезисы геополитической теории, которые применимы при проведении практического политического анализа по сей день.

Важнейшим элементом методологии геополитики Х. Макиндера является обоснованное утверждение о ключевой роли кочевой культуры в образовании государств.

Хэлфорд Макиндер отводил кочевникам как самостоятельную роль и непосредственное участие в создании государства, так и опосредованную роль захватчиков, для защиты от которых создавались и укреплялись другие государства. В целом этот процесс аналогичен описанному нами ранее принципу подвижности границ. Кочевой характер культуры соответствует более энергичной, развивающейся цивилизации или обществу, которое осуществляет свою экспансию на территории более слабых или ослабленных государств.

Вторым ключевым постулатом методологии геополитики Х. Макиндер считал дуализм суши и моря, который он проецировал, конечно, на кочевые культуры. Кочевники занимаются экспансией

морскими или сухопутными путями, что позволяет выделить кочевников моря и кочевников суши в отдельные виды обществ. Мобильность кочевников суши и моря, с разной степенью успешности нападавших и нападающих на оседлые общества, наполняет историю человечества качественным содержанием. Кочевники суши и кочевники моря – разные типы обществ, имеющие разные характеристики. Кочевники моря – всегда приверженцы технологического развития общества и идей развития торговых связей, тяготеющие к демократическим принципам организации общества. Кочевники суши всегда стремятся выстраивать внутреннюю структуру, основанную на субординации, в такой вертикальной структуре общества ценится героизм как индивидуальный, так и коллективный.

Кочевники моря и кочевники суши создают различные по содержанию социальные концепции общества, которые можно назвать цивилизацией суши и цивилизацией моря.

Цивилизации моря свойственно понимание морского могущества Альфреда Мэхэна, а именно стремление занять береговую линию, обеспечить военное преимущество на море и развивать торговые отношения.

Цивилизации суши, в свою очередь, свойственно стремление занять земли в глубине континентов, построить иерархичное патриархальное общество, реализовывать консервативную политику, поддержанную жесткими мерами государственно-го принуждения, а также сакрализация личности главы государства.

Хэлфорд Макиндер отождествляет географические особенности окружающей среды, в которой развивается общество, с характерными социологическими чертами общества, типизируя цивилизации по их качественным признакам в зависимости от их географических, концептуальных и экономических характеристик. Пространство становится неразрывно связанным явлением с историческими событиями, культурными (ценностными) особенностями и политической организацией общества. С этого момента геополитика становится новейшей социологической теорией, включающей в себя совокупность культурных, цивилизационных и политических концепций общества.

Одним из важнейших выводов о существовании цивилизаций моря и суши, представляющих собой цивилизационных антагонистов, становится возможным сделать вывод о наличии непримиримых противоречий между ними, что всегда будет являться причиной цивилизационного конфликта между сильнейшим обществом – представителем цивилизации моря и самым могущественным обществом из цивилизации суши. Этот вывод делают геополитику актуальным научным направлением на все времена.

На основании этих фундаментальных выводов А.Г. Дугин формулирует единственно правильное и полное определение геополитики. «Геополитика представляет собой комплексный политический, географический, стратегический, социологический, культурологический и экономический под-

ход к интерпретации международных отношений на основе принципиального и неснимаемого цивилизационного дуализма – Суша против Моря или теллутократия против талассократии»¹¹. Поэтому любая попытка неклассической геополитики отказаться от идеи цивилизационного дуализма буквально означает попытку признать классическую геополитику частью политического анализа или отменить геополитику, предложив на ее место новую топику – концептуальное понимание взаимодействия пространства и политической формации. К таким попыткам «дискредитировать» классическую геополитику являются критическая геополитика или постгеополитика.

Третьим основным элементом методологии (топики) геополитики по Х. Макиндеру является принцип районирования земной поверхности на территории Суши и Моря. И если глобальному зонированию Земли на территории цивилизации суши и цивилизации моря всего несколько столетий в силу тех обстоятельств, что представление современных людей о мире оформились в глобус с открытием Америки, то диалектика геополитики существовала изначально и прослеживается на локальном уровне со времен древнего мира: противостояние морских Афин и сухопутной Спарты, морского Карфагена и сухопутного Рима, Испании, которая не смотря на выходы к морям и океанам, пошла по пути цивилизационного развития Суши с изначально развивавшейся как сухопутной державы, но

¹¹ *Дугин А.Г.* Геополитика. С. 52.

перестроившейся и став впоследствии единоличной морской владычицей, – Великобританией.

По мере экспансии сильнейших представителей Суши и Моря от древних времен до настоящего времени образовались пояса Земли, которые отождествляются с цивилизацией Моря, распространяющей свою мощь хитростью, и с героической цивилизацией Суши, чья экспансия производится открытым силовым путем.

Исторический метод исследования цивилизаций позволяет наглядно убедиться в истинности предположения Х. Макиндера о диалектике геополитики, рассмотрев, например, талассократические торговые Венецию и Голландию или теллутократическую Монголию или Империю Тамерлана.

С ходом истории могут меняться ключевые игроки, видные представители цивилизаций суши и моря, но геополитическое противостояние снова и снова самовоспроизводит конфликт кочевников суши и кочевников моря.

Геополитическая карта мира, осмысленная и предложенная Х. Макиндером, концептуализирует геополитическую методологию (топику) как неразрывную совокупность идеологических, экономических и культурных факторов. Географической осью истории на геополитической карте является центр Евразии («мирового острова»), его центр находится в России. Вокруг этого ядра формируется цивилизация суши со схожей идеологией, экономикой и культурой. Эту зону Х. Макиндер называет сердечной землей. Сердечную землю окружает

пространство относительной суши, его можно соотнести с территориями Германии в Европе и Китая в Азии. Относительную сушу в форме месяца окружает «океаночная земля» – береговая линия Евразии, основной плацдарм геополитики, где открыто пересекаются интересы Суши и Моря в борьбе за мировое господство. Внутренний полумесяц океаночной земли, которую Х. Макиндер называет *Rimland*, «опоясывает» самый масштабный по планетарной протяженности полумесяц морского могущества, совпадающий с территориями колониального мира. Основными плацдармами геополитического противостояния являются война за *Rimland* и борьба за влияние в странах относительной суши, которые заселяют переходные типы обществ, общества двойной идентичности, в разной степени разделяющие ценности Суши и Моря.

Предложенная Х. Макиндером геополитическая карта мира объясняет политическую устойчивость, выражающуюся в последовательности действий внешнеполитического курса России (Российской Империи, СССР), Англии и США. Это же зонирование объясняет переменчивость политической карты Европы, находящейся на границе столкновения цивилизации суши и цивилизации моря. Поскольку битва за *Rimland* – это сущность геополитики.

Убедившись в истинности своих предположений по зонированию геополитической карты мира, наложив ее на социологическое прочтение мира, Х. Макиндер выводит геополитическую аксиому:

кто владеет Восточной Европой, тот владеет Евразией, кто владеет Евразией, тот владеет миром. Из этого нетрудно предположить основные стратегические векторы «нового Карфагена» современности – США и «нового Рима» – Российской Федерации. Всеми возможными способами цивилизация моря будет стремиться не допустить территориальную, экономическую и культурную близость России с Германией и Китаем, а также укрепить свое господство над торговыми колониями, обеспечив их экономическую и политическую зависимость. Для России же в число первоочередных задач выходит обеспечение политического могущества в Восточной Европе, развитие партнерских отношений и создание устойчивого геополитического союза с Германией и Китаем.

Хэлфорду Макиндеру, ушедшему из жизни в 1947 г., удалось концептуально совместить научные воззрения Фридриха Ратцеля, Альфреда Мэхэна, Рудольфа Челлена и всех прочих видных деятелей практического политического анализа, дополнив систематизированный материал авторской концепцией, обосновывающей уникальную методологию (топику) геополитики.

§7. Геополитические школы

На геополитической карте Хэлфорда Макиндера продемонстрировано существование трех крупнейших цивилизаций планеты, объединенных общими основами культурного, экономического,

политического и исторического характера: цивилизация морского могущества, сухопутная цивилизация и пограничная цивилизация Rimland.

Каждая из этих цивилизаций имеет свой взгляд на геополитику, который детерминирован происхождением субъекта, проводящего практический политический анализ тех или иных событий международной повестки дня. Каждый субъект, относящийся к той или иной цивилизации, толкует внешнюю политику относительно той системы ценностей, в которой сформировалась его личность. Публичные и частные интересы, свойственные определенному обществу, всегда являются ориентиром при интерпретации внешнеполитической деятельности.

Местоположение (ландшафт, качественное пространство) в геополитике имеет ключевое значение в целом, а при проведении геополитического анализа критически важным является аспект местоположения субъекта, который интерпретирует внешнеполитические акты. Цивилизация моря всегда борется за контроль над береговой линией, которая сама по себе не столь важна как приграничная линия - для цивилизации суши. Поэтому одни и те же события интерпретируются субъектами геополитики моря и геополитики суши по-разному. Например, исторически неизбежное с точки зрения цивилизационного подхода воссоединение Крыма с Россией, т.е. буквальное усиление прибрежных позиций сухопутной России, было воспринято цивилизацией моря на личный счет.

Существование трех цивилизаций (Суши, Моря и Берега) предопределяет существование трех геополитических субъектностей, каждой из которой свойственен свой взгляд на геополитику: с моря на сушу, с суши на море, с берега – в обе стороны.

Субъект геополитического анализа, т.е. автор практического аналитического исследования международной политики, всегда является приверженцем одной из цивилизаций. Субъектность геополитика предопределяет деформированную его идентичностью стратегическую цель внешней политики анализируемого объекта, что может снижать качество геополитического анализа. Этот анализ необходимо проводить с коррекцией на принадлежность объекта к той или иной цивилизации. Другими словами, аналитическая свобода геополитика ограничена его субъектностью. Смена геополитической субъектности практически невозможна, как пересадка растения в качественно другую окружающую среду без изменения характеристик и свойств этого растения.

Таким образом, принято выделять геополитическую субъектность Моря, Суши и переменную субъектность Rimland – территории геополитического столкновения Суши и Моря.

Сам Хэлфорд Макиндер в своей книге «Демократические идеалы и реальность» называет геополитическую субъектность взглядом человека Суши и взглядом человека Моря, эти взгляды являются первичными геополитическими субъектностями.

А геополитическая субъектность Rimland, в этой связи, является производной геополитической субъектностью, смежной и зависимой от субъектности Моря и Суши. Справедливости ради необходимо отметить, что некоторые ученые придерживались взгляда о наличии собственной уникальной геополитической субъектности Берега. Например, голландец Николас Джон Спикмен, автор концепции «сдерживания», сухопутного аналога «анаконды» Альфреда Мэхэна, считал, что Rimland – территория истинного политического творчества, в то время как Суша и Море – это простые, однородные полюса на геополитической карте мира.

Наличие геополитической субъектности делает из каждого геополитика, который по сути является носителем совершенно определенных ценностей, «голосом» своей цивилизации, даже если он территориально находится «в гостях». Показательным примером этого правила является практика ООН по заслушиванию государственных отчетов по вопросам прав человека в той или иной стране в совокупности с альтернативными докладами, которые наряду с государственными органами готовят «независимые» организации, осуществляющие свою деятельность на территории этого государства. Как правило, и официальные доклады Российской Федерации, и альтернативные доклады имеют похожее содержание, ссылки на одни и те же акты и практику, но абсолютно противоположные выводы. Это может быть истолковано как проявление различной геополитической субъектности: и то, что,

например, для цивилизации суши является формой защиты традиционных семейных ценностей, толкуется субъектами цивилизации моря как нарушение прав сексуальных меньшинств.

В связи с наличием трех геополитических субъектностей, имеющих свою собственную идентичность, ценности и методологию проведения анализа, А.Г. Дугин предлагает систематизировать геополитику, представив ее в трех самостоятельных дисциплинах: геополитика Моря, геополитика Суши, геополитика Берега.

Геополитика Моря интерпретирует мировую историю с точки зрения морского могущества, а само море – это субъект политически и исторически значимых событий, соучастник кочевников моря.

В силу значительной протяженности цивилизации моря от Северной Америки через Африку и до Японии, субъектность морской цивилизации очень неравномерная.

Геополитика Моря была концептуализирована Альфредом Мэхэном и Хэлфором Макиндером, видными политическими деятелями США и Великобритании, что позволяет нам вполне обоснованно называть Геополитику Моря англосаксонской геополитической школой. Англосаксонская геополитическая школа – первая не по очередности возникновения, а по вкладу в формирование топики геополитики. Это вполне объяснимо тем обстоятельством, что Рудольф Челлен и Фридрих Ратцел родились и жили в зоне двойной цивилизационной

идентичности, что затрудняло понимание существования геополитических полюсов Суши и Моря.

Великобритания и США, как и другие общества цивилизации моря, очень различаются в культурном аспекте, однако их общность по принадлежности к одному типу цивилизации делает их шаги во внешней политике очень схожими. Речь идет об одном типе геополитического сознания, Атлантической (от названия Атлантического океана, на противоположных берегах которого располагаются мировые морские державы) геополитической традиции, выраженной в одних и тех же методах практического внешнеполитического анализа. Цивилизационная общность Англии и США предопределили после Второй мировой войны возможность смены Английского империализма на американский.

Геополитика Суши толкует внешнеполитическую деятельность на основе иной логики, с точки зрения иного общества, которое наделяет пространство своими смыслами и ценностями.

Хотелось бы сказать, что Геополитика Суши была сформулирована в «сердечной земле» мирового острова, на землях географической оси истории – в России, но, к сожалению, это не так. Геополитика как буржуазная наука была запрещена для ученых СССР, в связи с чем первенство геополитических идей цивилизации суши принадлежит немцам Карлу Хаусхоферу и Карлу Шмитту, которые в эпоху Третьего Рейха примеряли на Германию идеи сухопутной мировой державы. Ответ России на идеи морского могущества уже найден

и емко сформулирован в термине «Евразийство», однако теоретизация и проработка ключевых вопросов Евразийства еще продолжается.

Несмотря на негативный гитлеровский оттенок работ Карла Хаусхофера, глубокое уважение вызывает его подход, сочетавший проведение и поддержку научных исследований, результаты которых публиковались в научно-политическом журнале, ориентированном на профессиональное сообщество, с популяризацией геополитической теории в массах посредством научно-популярной программы, посвященной геополитике, на радио.

Карл Шмитт тоже внес очень существенный вклад в формирование Геополитики Суши, одним из аспектов которого, мы считаем необходимым это особенно подчеркнуть, было введение в методологию геополитики методов юридических наук. К. Шмитт, имея юридическое образование, четко представлял, что континентальная система права имеет значительные преимущества перед англосаксонской правовой семьей в части формальной определенности «писанного» права. Конституционно-правовые нормы всех стран являются источниками для проведения прикладного анализа, направленного на выявление публичных интересов и государственных приоритетов, причем общепринятых и гарантированных силой государственного принуждения.

Существующие в Германии антироссийские настроения исторического характера пока не позволяют Германии открыто воспринимать идею Евразийства, предложенную Российской Федерацией.

Геополитика Суши и Геополитика Моря – это смежные, но разные дисциплины, каждая из которых имеет свою методологию, в первую очередь выражающуюся в разных и порой противоположных социальных ориентирах. Невозможно получить объективные представления о пространстве при соотношении его с внешнеполитической деятельностью, если анализировать Море методами Суши и наоборот.

Третье направление геополитики – Геополитика Берега, – это то, что препятствует прямому противостоянию цивилизаций суши и моря. Геополитика Берега может быть продолжением геополитики Моря или Суши, благодаря чему, в частности, НАТО сумели во многом распространить геополитику Моря на Европу. Еще Геополитика Берега может формироваться интегральным путем и представлять собой синтез Геополитики Моря и Геополитики Суши. Также Геополитика Берега может отрицать методологию классической геополитики и предлагать свою интерпретацию закономерностей пространства и внешней политики, отрицая дуализм Суши и Моря, предлагая свою топiku локального берегового масштаба. Откровенно говоря, первые три из сценариев возможного рассмотрения Геополитики Берега являются геополитикой в ее методологическом облики, но четвертая вариация подхода к Геополитике Берега является альтернативой геополитики – особой междисциплинарной тематикой на стыке истории, социологии и географии, но не имеющей концептуального

понимания глобальных предпосылок и первопричин всех внешнеполитических явлений.

Rimland – это территория свободы выбора цивилизационной идентичности, которому должна быть свойственна осознанность выбора, а не слепое принятие ценностей одной из цивилизаций. Хочется верить, что при должном развитии школы Геополитики Берега в Европу придет эта осознанность.

Пока эту осознанность цивилизационного выбора Rimland остается только ожидать. Видными учеными Геополитики Берега, в частности французом Ивом Лакостом, обесценивается геополитическая идентичность – он рассматривает геополитику в отрыве от дуализма Суши и Моря. С точки зрения классического представления о геополитике, такой поход сродни изучению географии Земли, игнорируя существование Северного и Южного полюсов. Впрочем, Ив Лакост – представитель цивилизации переменчивой идентичности Rimland. Возможно, геополитический дуализм может быть ему непонятен в силу происхождения, как он понятен на интуитивном уровне носителям ценностей цивилизации суши или цивилизации моря. Другим представителем «геополитики», отрицающим дуализм Суши и Моря, является американский ученый Джерард О’Туатайла, который обвиняет геополитику в империализме. При всем желании сказать, что представитель цивилизации моря критикует геополитическую топикку, не представляется возможным. Д. О’Туатайла – американец по гражданству,

но по происхождению – гордый ирландец, отказавшийся изменить свое ирландское имя на более благозвучное в США начертание. Ирландское происхождение позволяет ему смотреть на геополитику исключительно из Rimland, территории двойной идентичности.

Геополитика Берега воспринимается как геополитика лишь отчасти. Очевидно, что обществам Rimland сложно признавать, что Берег обладает условной геополитической субъектностью, в связи с чем геополитика Берега зачастую пренебрегает геополитическими выкладками англосаксов, немцев и российскими идеями Евразийства. Такая Геополитика Берега лишена концептуальности, хотя включает в себя некоторые не обобщенные детали, требующие внимания геополитиков.

Наиболее концептуальный подход к пониманию Геополитики Берега выражен в идее европейского континентализма, создании единого политического и правового пространства – Евросоюза.

Эта идея по своей сути является заимствованием геополитической идентичности Суши, которая, во-первых, не может быть воспринята Великобританией по определению, а во-вторых, иметь логическое завершение в силу того обстоятельства, что крупнейшая из европейских стран – Россия – является евразийским, а не европейским государством. Тем не менее, опыт европейского континентализма может быть рассмотрен как подготовительный этап европейского общества к созданию евразийского пространства в будущем.

§8. История становления англосаксонской геополитической школы

Англосаксонская геополитическая школа берет свое начало в воззрениях Альфреда Мэхэна, который ввел в научный оборот термин «морское могущество», предопределивший цивилизационный подход и дуализм Суши и Моря как основной постулат геополитической методологии (топики). Взгляды А. Мэхэна – это основа атлантистского взгляда на мировую политику, которая получила развитие в научных выкладках Хэлфорда Макиндера, окончательно сформулировавшего фундамент геополитики, в целом, и англосаксонской геополитики, в частности.

Геополитическую мысль англосаксонской школы предвосхитили исследования в области политической географии таких последователей идей Фридриха Ратцеля как Эллен Черчилль Сэмпл, Дервент Уиттлизи и Франц Оппенгеймер, проложивших связь между географией, историей и экономикой, соотнося организацию пространства с политической организацией общества. Эллен Черчилль Сэмпл была видным представителем научной школы Фридриха Ратцеля, применявшая методологию Ф. Ратцеля к изучению обществ и культур на принципах географического детерминизма, утверждая, что климат и окружающая среда – первопричина всех социальных концепций. Сама Эллен Сэмпл считала себя антропогеографом, одна из ключевых работ Э. Сэмпл – «Влияние географической среды».

Дервент Уиттлизи тоже был последователем научной школы Ф. Ратцеля, изложившим свои суждения в книге «Земля и государство».

Франц Оппенгеймер, в свою очередь, развил идеи Ф. Ратцеля в отдельное научное направление – социологию государства, а также обосновал теорию возникновения государства, основанную на завоевании одним обществом другого, которую в теории государства и права принято называть теорией насилия – традиционно она противопоставляется договорной теории возникновения государства английского философа и педагога, автора идей сенсуализма Джона Локка.

Эллен Черчилль Сэмпл, Дервент Уиттлизи и Франц Оппенгеймер подготовили американское научное сообщество к восприятию геополитической топики и выработке англосаксонской геополитической доктрины.

Взгляды англичанина Хэлфорда Макиндера стали развитием гипотез Альфреда Мэхэна. В своей работе «Географическая ось истории» Х. Макиндер изложил основы геополитики, сформировав цивилизационный подход к пониманию международных политических процессов, доказал цивилизационную дуальность мира. Х. Макиндер в своих первых трудах воспринимал США как изолированное сухопутное государство восточного типа. Однако судьбоносная в планетарном масштабе атака немецких субмарин на торговые корабли США, запланированная как провокация для эскалации военного конфликта между США и Мексикой, втянув-

шая США в Первую мировую войну, стала поводом для глубокого переосмысления США собственного места и роли в мировой истории. Президент США Вудро Вильсон принял решение отказаться от курса внешнеполитической изоляции США, предопределив вектор развития США как всемирно признанной цитадели демократии и могущественной морской державы. Вудро Вильсон видел роль США в качестве мирового гаранта демократических ценностей, заявляя претензии на универсальность американских ценностей и принципов, подлежащих распространению во всем мире. У президента Вудро Вильсона были оппозиционеры внутри страны, которые говорили о приоритетности интересов США в вопросах мировой экспансии, а не идеалистических представлений о демократии и личных свободах. По всей видимости, баланс идеалистических и прагматических взглядов привел к тому, что идеалистические представления о демократии зачастую применяются США как прикрытие собственных прагматических интересов – такой синтез идеализма и реализма мы неоднократно наблюдаем в мировой истории.

Претензии США на новую роль в мировой политике и цивилизационный выбор США в пользу цивилизации морского могущества в период совместной с делегацией США работы над текстом Версальского договора замечает Х. Макиндер, работавший в тот момент над планом по расколу России посредством поддержки Белого движения в Гражданской войне с большевиками. Цивилизационный

выбор США приводит к пониманию Х. Макиндера о слиянии империализма английского с американским. В результате этого синтеза формируется англосаксонская, атлантистская школа геополитики, имеющая своей целью доминирование морских держав над сухопутными.

В 1919 г. Хэлфорд Макиндер издает «Демократические идеалы и реальность», сопоставляя стремление США стать образцом и гарантом демократических ценностей в мире и реальность, характеризующуюся, во-первых, наличием прагматичных интересов США, делающих американские идеалы лишь прикрытием американского империализма, и во-вторых - главенствующей на тот момент ролью Англии в этих процессах. В «Демократических идеалах и реальности» Х. Макиндер, учитывая результаты Первой мировой войны, к условно единому цивилизационному пространству Моря относит Францию, геополитическое отражение Англии на европейском континенте. По своей сути, «Демократические идеалы и реальность» представляет собой геополитический план Запада.

Второй раздел книги «Демократические идеалы и реальность» посвящен геополитической субъектности Моря. Согласно принципам этой субъектности ключевой задачей цивилизации моря является обеспечение континентальной изолированности Суши, конфронтация России со своими сухопутными «побратимами» – Германией, Китаем и Ираном. Выполнение определенных им задач Х. Макиндер, в первую очередь, видел в создании погра-

ничного кордона между цивилизацией суши и цивилизацией моря, состоящего из политически и экономически зависимых от Моря государств, разделяющих ценности и принципы США, Англии и Франции. По плану Хэлфорда Макиндера, под давлением Моря должен произойти развал России на западную и восточную части, а на территории Австро-Венгрии должны быть сформированы и поддержаны Западом враждебные и к России, и к Германии политические образования. Х. Макиндер также планировал установление контроля англосаксов над Кавказом и Югом России, а также Афганистаном и Тибетом, что, по его мнению, гарантировало бы невозможность экспансии России в южном направлении. В 1920 г., находясь в Марселе, Хэлфорд Макиндер пишет письмо правительству Англии, в котором точно определяет круг государств, возникновение которых должно быть поддержано в силу тех характеристик этих качественных пространств, в соответствии с которыми они имеют положительную перспективу стать зависимыми в политическом и экономическом плане от Запада, среди них: Белоруссия, Украина, Южнороссия, Дагестан (по замыслу Х. Макиндера объединяющий все северокавказские республики современной России), Грузия, Армения и Азербайджан.

Третий раздел книги «Демократические идеалы и реальность» посвящен геополитической субъектности Суши, интересы которой автор видит в политической интеграции России, Германии, Китая и Ирана, конечно же под эгидой России.

Четвертый раздел книги Х. Макиндера моделирует политику навязывания конкуренции между Австро-Венгрией, Османским государством и Россией. Пятый раздел книги «Демократические идеалы и реальность» озаглавлен как «Свобода наций» и посвящен стратегии поддержки новых государств в Восточной Европе, направленной на формирование неадекватной идентичности в этих государствах с условным суверенитетом.

Следующим логичным шагом на пути осмысления англосаксонской геополитики было признание Х. Макиндером общности и единства геополитических интересов США и Англии, что было обосновано в его книге «Нации в современном мире». Как известно, после признания этой общности и вследствие активной деколонизации, начавшейся в 1960 г., означавшей закат Английской Империи, последовало смещение акцентов морского могущества от Англии к США.

Если «Демократические идеалы и реальность» Х. Макиндера представляет собой геополитический план Запада, то во время Версальской конференции был учрежден «проектный офис» по реализации этого плана – был создан Совет по внешней политике. В этот момент фактически произошла институционализация геополитического центра Запада на ценностях цивилизации моря. Совет по внешней политике происходит из рабочей группы ученых при президенте Вудро Вильсоне, которую координировал его советник Мандел Хаус. Деятельность этой рабочей группы, названной The Inquiry,

финансировалась банками США, в частности семьями Рокфеллеров, Уорбургов, Морганов. Благодаря преемственности The Inquiry и Совета по внешней политике в рамках Версальской конференции 14 пунктов внешнеполитической стратегии США, утвержденные Вудро Вильсоном, распространили свое действие на страны западной Европы, причем под контролем специально созданного координационного органа. В рамках мирной конференции в Париже в 1919 г. была учреждена английская ветвь Совета по внешней политике, который изначально координировался из США, – Королевский институт международных дел, который по местонахождению стал известен как Chatham House. Заседания обеих ветвей Совета проходили закрыто, т.к. методология геополитики настолько откровенна, что может напугать неподготовленного человека. Но о деятельности Совета достоверно известно, что постулатом его деятельности было убеждение, что принципы и ценности организатора (США) должны стать общечеловеческими, универсальными.

Исайя Боумен был первым председателем Совета, изложивший свою программу. Согласно программе И. Боумена, концепция нового мира отражала интересы некоторых государств и, в приоритетном порядке, интересы США. Это буквально означало, что США априори становились участником всех внешнеполитических событий в мире. Эта концепция стала базовой моделью внешнеполитического анализа, который проводился в призме политически значимых событий в контексте специфики

региона. Ближайшим аналогом этой аналитической модели было советское оперативное страноведение, которое ограничивалось рассмотрением вопроса исключительно в рамках марксистской теории.

Следующей значимой фигурой на пути становления англосаксонской геополитики является Николас Спикмен, отец американского реализма, переработавший концепции Х. Макиндера в контексте внешнеполитических интересов США. Безусловным достижением Н. Спикмена была конструкция послевоенного мира.

Николас Спикмен занимал должность директора института международных отношений Йельского университета, известного по вербовкам российских оппозиционеров. Геополитика, по Н. Спикмену, – это эффективный инструмент международной политики, не оперирующий понятием справедливости. В своей профессиональной деятельности Н. Спикмен придерживался утилитарного подхода и имел усердие в попытках сформулировать наиболее эффективную стратегию достижения американского мирового господства.

Особенностью воззрений Н. Спикмена были суждения о переоцененности сердечной земли Х. Макиндером. Н. Спикмен считал, что это лишь наиболее отдаленное пространство от Моря, в связи с чем в этом направлении затруднена экспансия цивилизации моря. Реальной геополитической силой Н. Спикмен считал Rimland. Н. Спикмен перефразировал утверждение Х. Макиндера и предположил, что тот, кто доминирует над Берегом, тот

доминирует над всей Евразией и распоряжается судьбой мира. Это никак не отменяло тезиса Х. Макиндера о борьбе за Rimland, хотя исключало понимание источника волевых действий Суши.

Николас Спикмен систематизировал критерии геополитического могущества, по которым следует проводить прикладной политический анализ. Приведем их в интерпретации отца российской геополитики А.Г. Дугина:

1. Поверхность территории.
2. Природа границ.
3. Численность населения.
4. Наличие или отсутствие полезных ископаемых.
5. Экономическое и технологическое развитие.
6. Финансовая мощь.
7. Этническая однородность.
8. Уровень социальной интеграции.
9. Политическая стабильность.
10. Национальный дух¹².

При проведении практического геополитического анализа производится оценка пространства по всем из указанных критериев. Если общая оценка по ним невысока, это означает, что рассматриваемое государство с большой долей вероятности вступит в союз с более могущественным политическим образованием на зависимых началах.

Еще одним достижением Николаса Спикмена была проведенная аналогия между Атлантичес-

¹² Дугин А.Г. Геополитика. С. 99.

ким океаном и Средиземным морем, вокруг которого формировалась самая развитая цивилизация мира.

Срединный (Атлантический) океан становился не преградой, а соединительной дорогой, по которой шел экспорт американских ценностей, идеологии либерализма и капитализма, демократии и рыночной экономики, идей коллективной безопасности, убеждения о единстве политической, этической и технологической судьбы народов. Это привело к снижению суверенности европейских государств, так как они становились частью единого цивилизационного организма с «мозгами» на восточном побережье США. Николас Спикмен создал непосредственные предпосылки Североатлантического альянса – НАТО, целью которого является контроль над береговой линией Евразии, реализация тактики анаконды А. Мэхэна в планетарном масштабе. На основании выкладок Н. Спикмена была сформулирована «стратегия сдерживания» – стратегия Холодной войны, заключавшаяся в давление США на СССР с опорой на Европу. Примечательно, что между авторами этой концепции: Госсекретарем США Джоном Фостером Даллесом, его братом, директором ЦРУ Аленом Даллесом и дипломатом Джорджем Кеннаном, и Советом по международным отношениям – прослеживается прямая функциональная связь.

Правота Н. Спикмена была подтверждена поражением Евразии в Холодной войне. Ошибочными суждениями Н. Спикмена были отказ от воспри-

ятия «сердечной земли» как источника воли цивилизации суши, которая в соответствии с совокупностью законов о подвижности границ и накоплении жизненной энергии рано или поздно возобновит экспансию Суши на Запад.

§9. Достижения англосаксонской геополитической школы

Академические успехи англосаксонской школы geopolitics во многом связаны с Йельским университетом. Профессор Йельского университета Стивен Б. Джонс разработал наиболее детальную классификацию и состав критериев geopolitical анализа. Соглашаясь с принципом подвижности границ и бессрочностью противостояния цивилизаций суши и моря, принимая во внимание тезис Дарвина Уиттлзи о последовательной оккупации, Стивен Б. Джонс делает обоснованный вывод о существовании наложений различных пространственных и связанных с ними социальных концепций сменяющих друг друга обществ. Эти слои накладываются друг на друга, формируя качественно новые или уточненные характеристики обществ, поэтому geopolitical анализ должен проводиться в динамике на основе аналитических срезов прошлого, настоящего и предположительного будущего. Переменчивые характеристики, связанные с наложением слоев пространственных и социальных концепций, Стивен Б. Джонс описал как общую теорию «поля». Согласно этой теории,

геополитический анализ должен проводиться по пяти инстанциям: оценка политических идей, оценка решений по реализации этих идей и их непосредственная реализация, анализ «поля» и политического ареала.

Под «полем» Стивен Б. Джонс предлагал понимать самые переменчивые характеристики пространства и общества, выраженные в общественном мнении, социальных установках и ценностях общества. Поле – это желательная, ожидаемая обществом организация пространства, возникающая вследствие онтологических характеристик общества, культуры и его интересов. Под «решением» подразумевается определение пути реализации политической идеи путем свершения политически значимых действий, связанных с развитием общества и пространства. Ареал, в свою очередь, это фактический результат политической деятельности, позволяющий определить и оценить степень реализованности идеи. Ареал, по своей сути, – это сравниваемая с политической идеей политическая карта фактического положения дел.

При беглом анализе причин распада СССР по предложенным Стивеном Б. Джонсом маркерам становится понятно, что именно манипуляциям в «поле» было уделено особое внимание врагов цивилизации суши при работе по развалу СССР и именно «полю» не было уделено должного внимания Советской власти.

Почему мы знаем, что геополитика – это реальность, а не теоретические воображения? Аврам

Ноам Чомски (Хомский) сопоставлял классические геополитические идеи с непосредственными действиями американской власти. Итак, в 1939 г. Государственный департамент США, совместно с Советом по международным отношениям, начал реализацию прикладного научно-исследовательского проекта на тему: «Изучение войны и мира», финансируемого за счет средств фонда Рокфеллеров. Объектом исследования был определен «большой ареал», включающий в себя подконтрольные США и Великобритании территории, зоны коммерческого интереса англосаксонских государств. «Большой ареал» был проектом американской империи, размер которой пересматривался в процессе реализации проекта от упора на территории Латинской Америки, потом с включением в «Большой ареал» Японии, и в конце Второй мировой войны «Большой ареал» включал в себя Европу. Джордж Маршалл в своей Программе восстановления Европы опирался на потенциал «Большого ареала». После Войны план Маршала использовал выкладки по «Большому ареалу» проекта «Изучение войны и мира».

Столь частое употребление в геополитике слова «мир» интерпретируется не совсем в общечеловеческом смысле - как отсутствие войны. Мир, с геополитической точки зрения, - это пространство, на котором отсутствует война в силу принадлежности или подконтрольности этой территории определенной силе, способной этот мир обеспечить и поддержать. Мир должен быть чьим-то. Фонд «Русский мир», занимающийся поддержкой программ

изучения русского языка в различных странах мира, назван таким образом в геополитическом смысле слова «мир». Дословный перевод слова «ислам» означает «мир», а мусульманин – значит «мирный», принадлежащий миру Аллаха, который покровительствует и защищает свой мир. В этой связи «Большой ареал» – это мир США.

Очевидно, что современные представители англосаксонской геополитики имеют отношение к Совету по международным отношениям. Збигнев Бжезинский и Генри Киссинджер председательствовали в Совете. В 1973 г. Советом по международным отношениям при личном и финансовом участии Дэвида Рокфеллера была создана Трехсторонняя комиссия (США, Европа, Япония), включавшая в свой состав влиятельных представителей «Большого ареала», в том числе видных деятелей публичных администраций, владельцев СМИ, крупных промышленников и, конечно, ученых.

Создание Трехсторонней комиссии ознаменовало возникновение трансграничного регулирования – нового, альтернативного государственному управлению, способа координации деятельности ключевых участников общественных отношений. Этот способ не раз был эффективно использован «архитекторами» мирового порядка. Трансграничное регулирование – это реальная альтернатива национальному правовому регулированию, позволяющая синхронизировать действия субъектов общественных отношений без участия органов государственной власти, ответственных за выработку

государственной политики. Управляемая извне, тенденция общественных отношений вынуждает государство согласиться с изменением общественного порядка или даже с целью сохранения своей власти – возглавить эту тенденцию. Так был организован «Болонский процесс», направленный на создание единого академического пространства, позволяющего осуществлять академическую мобильность профессоров и студентов, что привело к созданию эффективного механизма «утечки мозгов» и распространения ценностей «Большого ареала» в молодежной среде стран, не входящих в состав «Большого ареала». Болонский процесс победил, его принципы были введены в положения национальных законодательств абсолютного большинства государств. К слову, за этой деятельностью стоит международная неправительственная организация – Обсерватория хартии вольностей университетов, в которую включены более 800 университетов по всему миру.

Создание Трехсторонней комиссии имело своей целью замкнуть Евразию в «кольцо анаконды» адмирала Альфреда Мэхэна планетарного масштаба, в то время как ЦРУ начали вести Холодную войну с СССР. На некоторое время геополитика уходит в тень, чтобы результаты геополитических исследований не становились достоянием советской разведки.

Генри Киссинджер, один из идеологов создания Трехсторонней комиссии, получил Нобелевскую премию мира, занимал должности советника

по национальной безопасности и государственного секретаря при Ричарде Никсоне и Джеральде Форде. Генри Киссинджер начал процесс детанта – разрядки международной напряженности, научившись говорить двумя смыслами одновременно: первый смысл был заманчиво прост и демонстрировал готовность США идти на гармонизацию отношений с СССР, но второй смысл был понятен тем, кто владел геополитической методологией, в соответствии с которой баланс сил СССР и США соответствовал доминирующей позиции США, а слово «мир» употреблялось как синоним американской империи. Такая двусмысленная риторика усыпила бдительность социалистического лагеря, в связи с чем, в частности, Китаем была воспринята идея конвергенции капитализма и социализма, а в СССР началась «перестройка». Примечательно, что в 1994 году, когда, на первый взгляд, следовало забыть о геополитическом дуализме планеты, Генри Киссинджер в своей публикации признал за Россией место преемницы центра сухопутной цивилизации, находящейся в «сердечной земле» Евразии, что буквально означало продолжение геополитической деятельности США, направленной на полное уничтожение цивилизации суши.

Другой идеолог Трехсторонней комиссии и ее руководитель Збигнев Бжезинский был советником четырех президентов США. З. Бжезинский, поляк знатного происхождения, искренне желавший свести личные счеты с советской - преемницей российской - империи, является автором и ключевым

проводником идей антисоветизма и русофобии, в первую очередь, в борьбе за Восточную Европу. З. Бжезинский довольно подробно раскрывает эту тему в своей книге 1997 г. «Великая шахматная доска: господство Америки и ее геостратегические императивы». Книга содержит не только итоги Холодной войны, но и план дальнейшего развала России, стратегическими задачами которого автор определяет становление и развитие русофобии в Грузии и Украине, развитие идей этнического сепаратизма и радикального исламизма на юге России.

И Бжезинский, и Киссинджер подтверждали теоретические выкладки своих ученых-предшественников, внедряя теорию геополитики в практику внешнеполитической деятельности руководства США, а также посредством трансграничного регулирования международных отношений зависимых от США территорий «большого ареала». В этой апробации теоретических выкладок Х. Макиндера и других основоположников геополитики заключается вклад З. Бжезинского и Г. Киссинджера в развитие геополитики, а также признание истинности ее методологии и практической значимости.

При этом англосаксонскую геополитику в теоретическом плане продолжали обогащать современные ученые-геополитики, например Сол Коэн, автор книги «Геополитика мировой системы». Вклад С. Коэна в геополитическую теорию заключается в систематизации критериев практического геополитического анализа и разработке такой системы критериев, которая позволяет методично

анализировать любые внешнеполитические отношения с точки зрения прикладной геополитики. Прикладная аналитика С. Козна основана на оценке «морской предрасположенности» и «континентальной предрасположенности». Каждая из этих предрасположенностей имеет свою структуру, сочетающую в себе совокупность данных о физической, политической и социально-психологической географии. Причем, часть этих данных имеет отношение к формированию неизменного ядра общества, а часть является переменчивыми тенденциями. Такой подход к геополитическому анализу позволяет рассматривать общество в динамике геополитических процессов.

В планетарном масштабе С. Козн выделяет «геостратегические области», непосредственно относящиеся к зонам морского или сухопутного могущества, «геополитические регионы», имеющие геополитические связи с «геостратегическими областями», «пояса раскола» – территории двойной идентичности и «зоны компрессии», лишённые политической организации вовсе, абсолютно свободные для экспансии цивилизаций. Такой подход в сочетании с применением исторического метода позволяет рассматривать политическое образование в развитии и предопределять его будущее под влиянием геополитических зон.

С. Козн также предлагает свою классификацию государств по признаку влияния на международной политической арене, выделяя в отдельные категории сверхдержавы, региональные

державы или региональные блоки государств, государства третьей категории трех рангов (высокого, среднего и низкого). Такая геополитическая визуализация планеты по сути является геополитическим рейтингом государств.

При обзоре современных воззрений англосаксонской геополитики сложно не заметить эпатажного политика Эдварда Люттвака, который подобно стилю Макиавелли прямолинейно рассуждает на темы геополитической методологии, например в своей известной книге «Государственный переворот: практическое пособие» и не только. Э. Люттвак исследовал военные стратегии древности на примере Рима и Византии. Исследовательский интерес Э. Люттвака также пал на вопросы эволюции морского могущества, но не связанные с трансформацией морского могущества в воздушное, которое имеет место быть после открытия Арктики и новых воздушных путей сообщения. В работах Э. Люттвака речь идет о возрастающей роли экономического воздействия на политические образования, прошедшего на смену дипломатии и силе. Политик вводит в оборот термин «геоэкономика» – геополитику с упором на экономический критерий прикладного политического анализа. Э. Люттвак обосновано считает, что современное общество находится в стадии «турбокапитализма», при котором финансовый сектор экономики преобладает над производственным, что порождает спекулятивную деятельность на финансовых рынках, потребность рынка труда в менеджменте, обладающем управ-

ленческими компетенциями, но не производственными, перевод производства в страны с дешевой производственной силой и пр. Геоэкономический анализ включает в себя оценку форм собственности, собственников капиталов и промышленных производств, количество представительств международного бизнеса, наличие и объем природных и энергетических ресурсов, особенностей финансового и налогового права, а также внутренней экономической политики. Э. Люттвак рассматривает экономику как среду политического и военного влияния.

Геополитика англосаксов продолжает стремительно развиваться в наши дни в работах Джэффри Слоана и Маккабина Томаса Оуэнса, которые возрождают классическую геополитику и уточняют методологию политических наук, стратегического мышления, географии как окружающей среды и географии как социального явления. Англосаксонские геополитики – современники возобновляют постановку задачи США по недопущению перерождения сильной цивилизации евразийского масштаба.

Об этом же говорят неоконсерваторы США, чью активную геополитическую деятельность в параллели с Советом по международным отношениям начал Пол Волфовиц в 1992 г. с планирования безопасности на геополитических основах. План П. Волфовица был принят в 1997 г. при президенте Билле Клинтоне, он же (план) был перенят и принят к исполнению в НАТО.

Неоконсерваторы имеют своей целью не только уничтожение евразийской сухопутной цивилизации, но и крах морского могущества, как это ни странно, в целях возникновения глобального пролетариата и установления его могущества. Для этого, по мнению неоконсерваторов, преемников Троцкизма, необходима гибель обеих цивилизаций. Неоконсерваторы проникли в обе партии США, администрацию президента и СМИ, стали идеологами цветных революций и вторжения США в Ирак и Афганистан. Проект «нового американского века» неоконсерваторов – это отход от планомерной политики Совета по международным отношениям и отказ от признания, хоть и второстепенных, но интересов других государств «Большого ареала». Неоконсерваторы считают, что Европа значительно отстала в развитии от США, они готовы воевать с исламским миром и настаивают на форсировании геополитических процессов в мире.

С точки зрения геополитики представляют интерес публицистические работы журналиста Роберта Каплана, воспевающего присутствие военного контингента США по всему миру и сравнивающего эту тенденцию с окультуриванием диких индейцев белым человеком. Р. Каплан видит в этих процессах ответственное отношение Америки к судьбе планеты, которая на пути реализации своей высокой миссии зачастую незаслуженно поливается грязью. По своей сути, работы Роберта Каплана – это описание геополитического поля самих США.

На современной научной карте англосаксонской геополитики свое место занимает Томас Барнет, увлеченный идеями глобальной цифровизации и информатизации пространства. Т. Барнет уточняет классическую терминологию в контексте своих взглядов, например, классифицируя страны на:

- технологически развитые державы (США, Европа и Япония),
- неинтегрированные (в информационно-сетевом смысле) государства, представляющие потенциальную опасность для технологически развитых держав в изученности их технологий и способности их воспроизводить,
- государства зоны отключенности (государства - технологические «изгои»).

Обновленная Томасом Барнетом терминология не меняет сути геополитики Моря. Ее суть остается прежней - доминирование США и создание подконтрольных территорий, а вместо идеалистической идеи о роли США как о гаранте демократии предлагается ее аналог - роль США в обеспечении технологического развития человечества.

Среди современных геополитиков Моря можно выделить и тех, кто пытается уйти от классической топики геополитики, например, Д. О'Туайла и Д. Эгнью. Они утверждают, что в эпоху постмодерна общество толерантно, не разделяет людей по принципу «свой-чужой» и не принимает идеи империализма. Критическая геополитика Д. О'Туайла имеет дело с глобальным обществом, смешанным типом пространства, что определяет

необходимость рассматривать не государства и общества, а социальные группы. Один из ключевых постулатов критической геополитики – это принятие и сосуществование различных по социальным и географическим установкам групп в рамках «общества риска». Общество риска, по мнению сторонников критической геополитики, находится в состоянии согласия с существованием единственной системы ценностей – ценностей США, что буквально означает концептуальное уничтожение цивилизации суши. По этой причине критическую геополитику необходимо рассматривать в контексте англосаксонской геополитики.

§ 10. Формирование геополитики Суши: Евразийство

Термин «Суша» имеет множество смежных по значению понятий, которые в контексте геополитики зачастую используются как синонимы: Евразия, мировой остров, континент, «сердечная земля» и Россия. Геополитика Суши – это симметричный ответ на стройную теорию морского могущества, разработанную и доведенную до реального инструмента установления мирового господства англосаксами.

Наиболее ожидаемый ответ на теорию Хэлфорда Макиндера должен был последовать от России с геополитикой «сердечной земли», однако в силу исторических предпосылок первый ответ англосаксонской геополитической школе последовал от немцев, в частности от Карла Хаусхофера, который

отождествил Германию с цивилизацией суши. Совокупность воззрений немецкой и российской школ геополитики дает полноценный ответ на вызов цивилизации моря.

Карл Хаусхофер разработал терминологический аппарат и основные принципы континентального могущества, но «сердечной землей» материка всегда была и остается Россия в любой форме государственного устройства и политического режима.

Первыми русскими, начавшими осмысливать соотношение политики и пространства, были философы – славянофилы, наиболее яркими из которых были идеи И.В. Киреевского и его единомышленников: А.С. Хомякова, Ю.Ф. Самарина и др. Славянофилы первыми применили цивилизационный подход к осмыслению России, отличающейся от Европы социальными концепциями, выраженными в культуре, вере и самобытности русского народа. Славянофилы представляли собой ядро цивилизации суши.

Как известно, славянофилам противопоставляли свои идеи философы-западники, литераторы и прочие голоса русской культуры, среди которых можно назвать А.И. Герцена, В.Г. Белинского и П.Я. Чаадаева, которые признавали универсальность европейских ценностей, разделяли их и желали России европейского пути развития. Западники в большей степени походили на представителей цивилизации моря, чем сухопутного общества.

Славянофил К. Леонтьев сопоставлял византизм и славянство, указывая на ключевую роль византийской культуры в формировании российской

истории. Н. Данилевский писал о существовании культурно-исторических типах общества, наиболее близко подходя к понятию цивилизации. Отличительной чертой подхода Николая Данилевского был цивилизационный плюрализм, допускавший существование различных цивилизаций без претензий на истинность ценностей лишь одной из них, в отличие от враждебности западной цивилизации ко всем остальным.

Подходы славянофилов вполне соответствовали геополитическому районированию мира, основанному на культурных особенностях каждого из районов. Интуитивный поиск антропогеографических основ сухопутной цивилизации славянофилами стал отчетливым вследствие исследований В.И. Ломанского, чья методология была созвучна с антропогеографией Фридриха Ратцеля. В.И. Ломанский структурировал население Евразии по принадлежности к одной из трех цивилизаций: романо-германской, греко-славянской и азиатской. Греко-славянская цивилизация представлялась исследователю связующим звеном на пути цивилизационного единства на материке, это было одной из самых ранних предпосылок идей Евразийства.

Первым, наиболее полно соответствующим признакам научного исследования по антропогеографии был труд Семенова-Тян-Шанского младшего, в котором исследователь выдвинул свою гипотезу зарождения цивилизаций (обобщенно) вокруг трех морей: Средиземного, Карибского и Японского. Семенов-Тян-Шанский младший выделяет

3 типа могущества, два из которых следует относить к англосаксонскому пониманию морского могущества с контролем над береговой линией и контролем над пролегающими по морскому пути землями, а третий вид могущества по Семенову-Тянь-Шанскому соответствует теме настоящего параграфа, посвященной могуществу Суши, которое характеризуется могуществом «от моря до моря».

Очевидно, что на пути могущества России «от моря до моря» стоит Западная Европа, что подтверждается исторически: приграничные с Европейскими странами российские княжества время от времени приходили в упадок от противостояния Западной Европе в борьбе за могущество на Суше, в то время как «внутренние» княжества России наибольшую часть истории развивались, наполняясь жизненной энергией «сердечной земли». Необходимо отметить, что княжества, находившиеся на линии соприкосновения с западными обществами, в случае истощения возрождались при поддержке «внутренних» княжеств и продолжали экспансию на запад. Семенов-Тянь-Шанский младший особенно последовательно рассуждал о концепции России, распространяющей свое влияние и политическую власть «от моря до моря», в том числе от теплых южных морей до холодной Арктики, что лишний раз подчеркивает евразийскую сущность России, природное стремление которой является могущество «от океана до океана».

Писатель И.И. Дусинский из Одессы публиковал в местной газете свои комментарии к про-

грамме развития военно-морского флота и внешней политики России, где указывал на предрасположенность России к развитию по принципиально континентальному пути, противопоставляя этому подходу внешнюю политику морских держав. Евразия – это земля, на которой имеются все ресурсы в избытке и нет необходимости вести колониальную политику на отделенных заморских территориях. Эта самодостаточность называется принципом автаркии. Евразия сама по себе является центром торговых интересов, что делает совершенно нелогичным слепое копирование внешней политики морских государств. Это обстоятельство, по мнению И.И. Дусинского, предопределяет возможность для России ограничиваться дипломатическими отношениями с внешними морскими державами, но придерживаться принципиальных сильных позиций по защите своих интересов на континенте, поскольку стратегической зоной торговых отношений является прибрежная линия. Вот таким образом между строк публициста начинает проявляться принцип борьбы на Rimland с точки зрения Суши.

С приходом к власти большевиков на гребне марксистской идеологии и ее интерпретаций – ленинизма и позже сталинизма, геополитика вместе с другими буржуазными науками попала под репрессии, и вот почему. Ортодоксальный марксизм объясняет все значимые процессы сменой исторических формаций. Историческая формация представляется как общая для всех тенденция социального развития. Вместе с тем геополитика имеет

дело с географическими предпосылками общественной организации, что буквально означает, как минимум, неоднородность исторической формации Маркса. На самом деле, это доказали сами большевики, сумев построить не социализм в представлении Маркса, а российский социализм, в связи с чем и возникли ленинизм и сталинизм. Это вызвало отторжение у представителей ортодоксального марксизма, в частности троцкистов, которые в итоге примкнули к геополитикам Моря с целью уничтожения неправильного на их взгляд искажения должной организации общества.

В историю России вошло дело геополитиков, которое вел НКВД против самого Семенова-Тян-Шанского младшего, затем главного фигуранта этого процесса – В.Э. Дэна, основоположника экономической географии в России, последователя идей Ф. Ратцеля и Р. Челлена, а также учеников В.Э. Дэна – В.М. Штейна, Н.Д. Кондратьева, Л.Н. Юрьевского. НКВД нашел следы геополитики и в работах С.Л. Рудницкого, который в своих трудах ссылался на Альфреда Геттнера. Хотя, скорее всего, С.Л. Рудницкий попал в поле зрения НКВД не столько за связь с геополитикой, сколько за попытки обоснования «незалежности» Украины. После завершения дела геополитиков, развитие геополитической мысли в России было приостановлено на 60 лет.

Военные географы России всегда вносили свой существенный вклад в развитие геополитической мысли, поскольку это направление военных наук требует объективной оценки стратегического

положения России в мире, которое основано на подходах континентализма. Так, например, российский военачальник граф Д.А. Милютин, получивший известность в ходе Кавказской войны после захвата Имама Шамиля, занимался сравнительными исследованиями в области военной географии, а советский генерал, начальник Академии генштаба, А.Е. Снесарев в свое время перешел на сторону большевиков на основании своих геополитических взглядов.

А.Е. Снесарев был непосредственным участником событий, описанных Хэлфордом Макиндером в Географической оси истории, событий, вошедших в историю как «Большая игра». Принимая во внимание те обстоятельства, что Х. Макиндер был представителем Антанты в Украине, где занимался обеспечением Белой гвардии, а А.Е. Снесарев участвовал в военных действиях на тех же территориях, два основоположника геополитики Суши и геополитики Моря могли одновременно находиться на противоположных сторонах одних и тех же баррикад. А.Е. Снесарев был убежден в необходимости вторжения России в Индию через Афганистан чтобы захватить контроль над крупнейшей английской колонией на евразийском материке. Участие России в Антанте было воспринято А.Е. Снесаревым как личная трагедия, в связи с чем в 1917 г. он перешел на сторону советской власти.

А.Е. Снесарев исследовал границы Российской Империи в контексте перспектив экспансии как потенциальные линии фронта, учитывая

особенности приращения приграничных территорий Российской Империи в историческом ракурсе. На этой основе представлялось возможным предполагать характер дальнейшей экспансии, степень ожесточенности борьбы соседних государств за свои территории и перспективы признания населением завоеванных территорий власти России. А.Е. Снесарев, признанный теоретик территориальной экспансии, как и многие геополитики был репрессирован в советское время.

Другим видным военным деятелем России, предтечей отечественной геополитики, был А.Е. Вандам, сменивший русскую фамилию Едрихин после участия в англо-бурской войне в честь доблестного бурского военачальника Вандама. А.Е. Вандам четко определял континентальный характер судьбы России, считая Великобританию главным геополитическим врагом Российской Империи. К этому выводу он впервые пришел в ходе службы разведчиком в Китае, где обнаруживал отчетливые следы британской антироссийской политики. Союз России с Англией в ходе Первой мировой войны А.Е. Вандам считал необдуманым, противоречащим природе России шагом, который впоследствии приведет к гибели Российской Империи. Кончено же, в Гражданской войне А.Е. Вандам стал военачальником белой армии.

А.Е. Вандам в своих работах свидетельствовал о борьбе «Океанской империи с Континентом», линия фронта которой смещается в сторону России вместе с последовательными падениями Мадрида,

Парижа, а в результате Первой мировой войны – и Берлина. А.Е. Вандаму было очевидно, что продуманной стратегии океанской империи необходимо дать российский континентальный ответ.

А.Е. Вандам был солидарен с Ф. Ратцелем в суждениях, что экспансия – это естественный ход истории развивающегося общества. Российская экспансия, по А.Е. Вандаму, должна была проводиться в южном и восточном направлениях с двумя целями: выход к Тихому океану для освоения Аляски и западного побережья Северной Америки и установление доминирующих позиций в Афганистане для создания необходимых условий в борьбе с Англией за влияние над Индией. Остаток своей жизни А.Е. Вандам провел в эмиграции на территории Эстонии.

В условиях гонений на геополитику в советской России, наиболее комфортная среда для формирования концепции российской геополитики была в эмиграции. В этом контексте применима цитата из «Письма женщине» русского поэта-романтика Сергея Есенина о том, что большое видится на расстоянии. Именно в условиях эмиграции русские мыслители князь Н.С. Трубецкой, ученый П.Н. Савинский, искусствовед П.П. Сувчинский, историки Г.В. Фроловский и Г.В. Вернадский, юрист и политолог Н.Н. Алексеев, богослов В.Н. Ильин и многие другие осмыслили идею Евразийства.

По всей видимости, находясь в чужеродной культурной среде, русские люди особым образом чувствовали самобытность России и несоответ-

ствие русских ценностей ценностям западного мира: либерализму, индивидуализму, атеизму, материализму и пр.

Идеи Евразийства, основоположником которых следует считать лингвокультуролога Н.С. Трубецкого, были опубликованы в его книге «Европа и человечество», серии манифестов различных авторов – единомышленников князя Трубецкого, а также их статей и сборников. Евразийцы систематизировали воззрения славянофилов и военных географов прошлых лет, дополнив их научными обоснованиями целостности и уникальности российской цивилизации, отторгающей псевдоуниверсальные ценности Океанской империи и с симпатией относящейся к ценностям Востока, но не отождествляясь с ними. Россия – это Евразия, представляющая собой уникальный синтез Запада и Востока, обладающий новыми по сравнению с первым и вторым качествами. Речь идет не просто о совокупности всего множества культур и этносов, проживающих на территории России, а о самоопределении всех народов как одного целого. Князь Трубецкой называет этот феномен общевразийским национализмом, основанным на плюрализме и признании ценностей, отвечающих критериям истинности и исторического восприятия.

Зарождение Евразийства в лингвокультурологических исследованиях Трубецкого связано с существованием особенностей языка, определяющих общность цивилизации. Структурная лингвистика имеет дело с интерпретацией всех значимых

событий, интерпретации которых выражаются в текстах. Очевидно, что для выражения мысли словами, все события проходят процесс осмысления и толкования. Поэтому Трубецкой пишет, что исторически значимые события имеют смысл только в том обществе, в котором они происходят. Поэтому истинную историю государства может написать только носитель языка и культуры. Это и есть основа цивилизационного подхода к пониманию всемирной истории. В этой связи, универсальность ценностей, предложенных США – это проявление колониализма. Понятие прогресса в этой связи – это не более чем социальный миф, прикрытие насильственного принуждения обществ признавать ценности доминирующей цивилизации. Поэтому путь Евразийства – это путь консерватизма, защиты традиционных ценностей, религии, обычаев и традиционной культуры. Деколонизация Евразии от ценностей Океанской империи – это процесс революционный, так как требует отказа от победившей в Западной Европе идеологии цивилизации моря, а равно как и от идей царизма Российской Империи¹³.

П.Н. Савицкий, разделяя научные выводы князя Трубецкого и будучи профессиональным географом, применил идею неизменности языка к пространству, которое понимал как качественное пространство, наделенное смыслами, а эти смыслы выражаются в языке. Исследования пространства и социальной концепции евразийской цивилизации в целостном единстве делают П.Н. Савицкого пер-

¹³ *Дугин А.Г.* Геополитика. С. 163.

вым полноценным русским геополитиком, идентифицирующим себя с цивилизацией суши.

В силу того обстоятельства, что к моменту активного формирования геополитики Суши Западная Европа уже уступила цивилизации моря, П.Н. Савицкий и ранние геополитики Суши противопоставляли идеям Евразийства романо-германский мир, но наделяли его всеми характеристиками цивилизации моря. П.Н. Савицкий характеризует Россию как цивилизацию, занимающую «срединное» место в Евразии, другими словами, Россия – срединная империя. Ровно об этом же писали геополитики англосаксонской школы, указывая на существование «сердечной земли», находящейся в России. Срединность Европы П.Н. Савицкий связывает с Германией, срединность Азии – с Китаем, а срединность Евразии – исключительно с Россией. Этот подход буквально означает, что Евразия – это территория русского мира. Россия как срединная империя является единственным местом, в котором интегральным образом сформированы ценности всего мира, развернутые в пространстве – соучастники культуры российской цивилизации. Тут сосредоточены наиболее универсальные ценности славянской, тюркской и православной культур, в своей совокупности представляющие собой качественно новые ценности. В этой связи образные импульсы «сердечной земли» Хэлфорда Макиндера приобретают конкретный смысл – это направленное воздействие русской цивилизации на внешнеполитические процессы на материке. П.Н. Савиц-

кий эмоционально реагирует на идеи Х. Макиндера, сравнивая принятие ценностей цивилизации моря с обезьяньими повадками.

На фоне отказа от западноевропейских ценностей русский научный мир начинает переосмысливать свою историю, на протяжении которой Россия зачастую находилась под влиянием европейского просвещения. Ключевым моментом пересмотра российской истории стала реабилитация «татарщины» в контексте условно положительного влияния на становление России. В этом контексте Россия представляется не просто сбросившей с себя оковы Ига, а победителем и преемником империй Чингисхана и Тамерлана, объединивших Азию. О том, что и зачем скрыли от нас из истории Отечества в части наследия татар, замечательно, на наш взгляд, пишут наши современники Гали Рашитович Еникеев и Шихаб Китабчы¹⁴. Отсюда пошло понимание, что Россия – это не только «европейские» леса, но и «азиатская степь». М.Н. Задорнов, голос совести России, говорил, что Россия – это степь, среди которой войско. А поэт А.А. Блок в стихотворении «Скифы» в поэтической форме указывал на историческую преемственность культуры Турана в России. Эти выкладки географа П.Н. Савицкого созвучны с географическими особенностями России, ландшафт которой представляет собой сочетание лесов и степей. Реабилитация Турана и татарщины сыграла важнейшую роль в определении цивилизации

¹⁴ См. *Еникеев Г.Р., Китабчы Ш.* Наследие татар. Что и зачем скрыли от нас из истории Отечества. М. 2021.

онной идентичности России как кочевников Суши, влияющих на ход истории. Этот поворот в толковании истории России позволил четко обозначить цивилизационные границы с Азией и Европой.

П.Н. Савицкому удалось качественно теоретизировать понятие пространства через термин «месторазвитие», сочетающего субъективные (социальные концепции) и объективные начала (географические особенности окружающей среды), которые необходимо рассматривать в единстве, без отрыва друг от друга. Месторазвитие – это философский ключ к пониманию Евразийства, геополитический аналог коллективного бессознательного Карла Густава Юнга, объясняющий то, что находится на стыке разнотеленных элементов объективной и субъективной реальности. Месторазвитие объясняет евразийский плюрализм, который не разделяет этносы и культуры, а объединяет их. Отсюда, например, множество форм субъектного состава Российской Федерации, включающего в себя республики, края, области и пр. Предвестниками месторазвития можно считать идеи холизма славянофилов, соборности И.В. Кириевского и пр.

К.А. Чхеидзе, участник Дикой дивизии, в одном из упомянутых нами сборников Евразийцев опубликовал результаты своих исследований на тему «Из области русской геополитики», в которой определял принципы русской геополитики евразийского толка. Предметом исследований К.А. Чхеидзе было развитие государственных образований в различных территориальных условиях. Он рас-

считывал государства как живые организмы в контексте месторазвития, а все исторически значимые события – как исторический срез государственного развития. Русский офицер грузинского происхождения К.А. Чхеидзе наилучшим образом смог выявить геополитическую особенность государственного устройства России, состоящую из центра, стремящегося к русификации, и периферии, стремящейся к региональной идентичности. Отсюда происходят существующие в современной России принципы децентрализации государственного управления и совместного ведения федеральных органов государственной власти и властей субъектов Российской Федерации существенного круга вопросов. К.А. Чхеидзе называет Россию государством – материком, которое характеризуется духовным и материальным единством проживающих в нем народов и общностью их судьбы.

Г.В. Вернадский, сын легендарного академика, работал в Йельском университете, академической «мекке» англосаксонской геополитики. Тем не менее, Г.В. Вернадский сформировался как истинный евразиец. Главным трудом его жизни стал пятитомник «История России», в котором Россия рассматривалась в цивилизационном ключе, конечно, как цивилизация суши.

В другой работе историка «Начертание русской истории» Г.В. Вернадский предложил свою геополитическую интерпретацию русской истории, определяя тождественное равенство геополитических понятий «Евразия» и «Россия». Г.В. Вернадский называл Россию срединным материком, цивилиза-

ционно отличающимся как от Европы, так и от Азии, который сформировался в результате противостояния общества «Леса» и общества «Степи», интегральным образом составив из этих двух начал уникальное месторазвитие.

Другой историк Л.Н. Гумилев, проживавший в СССР, называл себя последним евразийцем. О геополитике рассуждал, не употребляя этого слова во избежание репрессий, хотя все равно был репрессирован за евразийские взгляды, отличавшиеся от официальной идеологии советской России. Л.Н. Гумилев в своих работах много рассуждал об этногенезе и феномене географической личности, рассматривал качественное пространство как живое явление, представляющее собой единство культуры и природы, интеллектуального и физического начал. За поддержку идеи реабилитации Турана Л.Н. Гумилев прослыл тюркофилом. Историк обоснованно предполагал, что благодаря влиянию Золотой Орды Россия впитала принципы империализма, но смогла сохранить православные ценности и свою идентичность. Л.Н. Гумилев критиковал русское дворянство, смотревшее на мир и историю европейскими глазами, в связи с чем не смогло понять логики собственного народа.

§ 11. Формирование геополитики Суши: Европейский континентализм

Как известно, геополитика в целом и европейская геополитика в частности берет свое начало от Ф. Ратцеля и Р. Челлена, создавших предпосылки

объединения методологии антропогеографии и политической географии в единое целое. Воззрения основоположников геополитики в Европе получили свое развитие, в первую очередь, в работах Фридриха Науманна, разработавшего Концепцию «Средней Европы» – аналог «сердечной земли», но не в евразийском, а континентальном масштабе. Концепция «Средней Европы» была попыткой найти место Германии на геополитической карте мира, наряду с Россией и англосаксонским миром. Концепция ясная и понятная – европейским государствам необходимо создавать союз, чтобы конкурировать с двумя геополитическими гигантами. Ф. Науманн отводил Германии срединное геополитическое положение в Европе.

Несмотря на связь Ф. Науманна с нацистами, его проект был отнюдь не националистическим. Не-националистский подход к геополитике на «мировом острове» – это тенденция, верная для всех теоретиков геополитики. Ф. Науманн указывал, что география важнее этноса, следовательно, плюрализм важнее национализма. Начало интеграционных процессов Ф. Науманн связывал с союзом Германии и Австрии, затем – с придунайскими территориями, а в долгосрочной перспективе и с Францией.

О том, что будущий союз должен быть союзом экономического характера, обосновал Фридрих Лист, который прекрасно ориентировался в экономической системе США. Особенностью американской экономики того времени была политика протекционизма американских товаров в мировой

торговле. Из этого Ф. Лист формулирует свою теорию автаркии больших пространств. В основе этой теории лежит убеждение, что свободную торговлю поддерживают и пропагандируют те, кто уже освоился на рынке и сформировал свою конкурентоспособность, т.е. те, кто заведомо победит в конкуренции. Поэтому при взаимодействии развивающихся экономик с развитыми необходимо оказывать поддержку и протекцию менее сильным участникам рынка. Эти меры необходимо принимать не только для того, чтобы поддерживать конкурентоспособность развивающихся производств, но и для сохранения политического паритета. Теория автаркии больших пространств определяет стратегическую цель становления экономики, которая заключается в создании общего экономического пространства наибольшего масштаба, объединенного общей организационной структурой. Такое пространство должно быть суверенным, не находящимся в зависимости от других экономик и администраций. Организационной формой такого пространства должен стать таможенный союз независимых государств, внутри которого допускается свободная торговля. Но в отношении импортных товаров применяется политика протекционизма, которая выражается в установлении завышенных сборов и пошлин за участие в рынке. Суверенность автаркии больших пространств характеризуется отсутствием зависимости от внешних товаров, что обеспечивает возможность развития промышленности в странах таможенного союза. Принципы автаркии больших прос-

транств были с успехом освоены идеологами Новой экономической политики СССР в 1920-х годах.

Возможно, наиболее широкоизвестным геополитиком Европы был Карл Хаусхофер, исключительно образованный человек, который родился и вырос в семье академических профессоров, но сделал успешную карьеру военного генерала. К. Хаусхофер служил разведчиком в Японии, где впитал исконно самурайские ценности воинской доблести и чести. Наблюдая за японской культурой разумного использования пространства, сформировавшейся вследствие жизни на малых по своему размеру островах, К. Хаусхофер остро осознал взаимосвязь географии и культуры, которую русские геополитики называли месторазвитием. В Японии изначально существовало учение о живой земле, наиболее близко соответствующее геополитическим взглядам на месторазвитие и научным воззрениям Ф. Ратцеля. Прекрасно знавший военные науки, К. Хаусхофер подготовил прямой ответ Суши на концепцию Х. Макиндера, используя топику англичанина.

Карл Хаусхофер принципиально расходился во взглядах с А. Гитлером, в первую очередь определяя положительную перспективу в союзе Германии с Россией и Японией, которая, как и две материковые державы, имела долгий период истории как общество цивилизации суши, откуда в культуре Японии и возникли идеалы воинской доблести и чести, свойственные кочевникам Суши. Нападение Германии на СССР, по мнению К. Хаусхофера, было

евразийской междоусобицей, предвещавшей крах для Третьего Рейха в силу тех обстоятельств, что это нарушало все аксиомы евразийской геополитики. Сын К. Хаусхофера участвовал в покушении на Гитлера, а сам генерал после Нюрнбергского трибунала, на котором, к слову, он был признан виновным, покончил жизнь самоубийством, осознав окончательный крах своих идей. Рассмотрим основные из этих идей.

К. Хаусхофер сопоставил «жизненное пространство» Ф. Ратцеля и теорию больших пространств Ф. Листа, признав, что территориальная экспансия – это единственно действенная стратегия безопасности. Необходимость экспансии сродни делению клеток растущего организма, а стремление к большому пространству – это основной закон геополитики. Территориальная экспансия объективна и неизбежна, живая среда имеет свойство развиваться, отодвигая политические границы, которые таким образом становятся не статичным, а подвижным явлением. Стремление к большим пространствам – есть первопричина экспансии, все остальные «причины» экспансии – это попытки ее оправдать.

По закону о стремлении к большим пространствам сформировались две крупнейшие цивилизации – Суша и Море. По этому же закону Море по своей природе стремиться «задушить» Сушу, а Суша – обрушить цивилизацию моря. Большим пространством, к которому необходимо стремиться Германии, Карл Хаусхофер считал континентальную Европу. В этой связи он полностью поддерживал план

Ф. Науманна. Европейский континент по их общему замыслу должен был существовать на принципах экономической самодостаточности – автаркии. Здесь мы можем наблюдать зачатки Евросоюза, современной формы европейского континентализма. Европейский континентализм основан на идее, что малые государства не могут обеспечить автаркию, над ними по законам экспансии рано или поздно будут доминировать более могущественные державы, которые могут поглотить их или поставить в зависимое положение, ограничив или лишив суверенитета. Идея европейского континентализма связана с созданием, в первую очередь, экономического союза, что порождает феномен европейского экономического национализма.

Следующая идея Карла Хаусхофера, логически продолжающая его концепцию – подход к систематизации больших пространств, вошедший в теорию геополитики как термин «пан-идеи» К. Хаусхофера. Концепция пан-идей представляет собой принцип консолидации государств. В основу этих идей легли исторические наблюдения: государства, расположенные севернее, имеют более высокое экономическое и политическое развитие по сравнению с государствами юга, чье государственное и политическое строительство происходит медленнее. Поэтому экспансия на юг чаще происходит менее болезненно для обществ, чьи территории подвергаются экспансии, чем это происходит при экспансии в других направлениях. Экспансия на запад или восток чаще всего приводит к изматывающим обе

стороны кровопролитным войнам. В этой связи К. Хаусхофер определяет четыре центра экспансии в южном направлении: США, Европа, Россия и Япония, которой он откровенно симпатизировал. Панамериканский мир (Пан-Америка) подразумевал консолидацию стран обеих Америк при доминирующих позициях США. В Паневропейском мире (Пан-Африке) должна произойти консолидация стран Европы и Африки при главенствующей позиции первых. Панроссийский мир (Пан-Евразия) подразумевал распространение влияния России на Азию. А Япония должна была главенствовать в Тихоокеанском регионе (Пан-Тихий океан). Пан-идеи К. Хаусхофера были геополитическим ответом на идею морского могущества США. Т.е. при условии консолидации государств с севера на юг происходит усечение связей морского мира и принуждение США к развитию по типу цивилизации суши, как это происходило до начала реализации плана А. Мэхэна. Это полностью соответствует интересам континентального начала. В этой систематизации больших пространств Английской империи отводилось любопытное место переменной идентичности и относимости к Пан-Америке или Пан-Африке.

Идеи Карла Хаусхофера по систематизации больших пространств разделял австриец Рихард Куденов-Калерги, организатор Паневропейского Союза (непубличного толка) и Международного общественного движения «Пан-Европа». В отличие от К. Хаусхофера, выделял Британию и ее колонии в пятый мир в системе пан-идей, а потенциальным

доминантом над Тихоокеанским регионом считал и Японию, и Китай. Единое экономическое пространство Европы, по мнению Р. Куденова-Калерги, должно было быть организовано на принципе сочетания коллективизма с индивидуализмом, буржуазных и социалистических ценностей, подразумевающим альянс аристократии и народа. После разочарования в А. Гитлере и бегстве в Англию демократический популизм Р. Куденова-Калерги по достоинству оценил У. Черчилль, представивший австрийца к государственной награде.

По возвращению из Англии Р. Куденов-Калерги создал неформальный Союз Европейских Парламентариев, ставший прародителем современного Европарламента. Союз Европейских Парламентариев занимался разработкой модельного законодательства и будущих основ Евросоюза. Р. Куденов-Калерги привнес, на первый взгляд, логичную идею о необходимости оборота единой валюты на территории европейского таможенного союза, что, на наш взгляд, могло произойти умышленно под влиянием англосаксов, поставивших своей целью использовать консолидацию европейских стран для системного контроля над Европой. Это могло произойти в случае введения в оборот на континенте такой валюты, которая зависит от американской или английской валюты.

Философ и юрист Карл Шмитт, который не менее других геополитиков внес значительный вклад в обоснование взаимосвязи пространства и социальных концепций, в том числе государствен-

ных образований и права – смог выявить и обосновать источники подхода К. Хаусхофера к систематизации больших пространств. К. Шмитт считал, что качественное пространство – это источник социальной реальности. По этой аналогии существует нечто, предшествующее порядку и всем социальным нормам; существует закон возникновения законов – номос. К. Шмитт отождествлял качественное пространство и номос, выделяя при этом три этапа развития номоса. Первый номос относится к древности и раннему средневековью, когда люди заселяли никем не занятые «девственные» территории Земли. Особенности этих земель по законам геополитики оказывали влияние на общественные отношения, а люди, в свою очередь, осмысливали и изменяли географический ландшафт. После открытия Америки и ее освоения номос бесповоротно изменяется. Номос начал иметь дело с функциями – захватом и присвоением пространств, которые были уже кем-то осмыслены и наполнены качеством. Третий номос предопределяет порядок использования результатов процессов, происходящих при втором номосе, т.е. качественно новый порядок определения принадлежности пространств тем или иным этносам третьими лицами. Например, при разделе зон влияния и контроля над территориями поверженного союзниками врага. Возможно, человечество ожидает четвертый и последующие номосы, которые нам пока не могут быть понятными. На практике существование трёх номосов означает следующее. Для геополитиков становится очевид-

ным, что цивилизация суши – это общество, сформированное по первому номосу, а цивилизация моря – по второму. Это предопределяет отказ Моря от ценностей Суши: например, переход от религиозности к атеизму, от духовности к сугубо материальному и т.д. Номос (закон возникновения законов) должен был проявиться и в праве. Нам представляется, что трем номосам соответствуют элементы структуры вещного права: право владения, распоряжения и пользования собственностью.

Для полноценного концептуального ответа Суши на вызов Моря не хватало только одного – сформулировать идеологию, способную ответить на изложенные в Доктрине Монро претензии на универсальность американских ценностей и особую роль США в защите демократии во всем мире. Суше была необходима идея, способная оправдать запланированную экспансию, подлежащую проведению на новых принципах пан-идей. Карл Шмитт сформулировал свое предложение очень понятно и просто: у каждого народа есть право на организацию больших пространств. Империя морского могущества не вправе вмешиваться в реализацию этого права. Любое вмешательство, угрожающее организации больших пространств на принципах автаркии, должно пресекаться. Более того, эта идея должна быть доведена до всех народов, опыт Европы должен быть непременно использован другими народами в целях создания условий для их процветания. Императив больших пространств – вот ответ Карла Шмитта на поставленный вопрос.

Безусловно, возникает много вопросов о возможности реализации этой концепции в условиях реального положения дел в Евросоюзе. Мы ставим под сомнение существование автаркии на территории объединенной Европы. Евро – зависимая от американского доллара валюта, что наводит на мысль о том, что Евросоюз скорее является примером хорошей организации торговых колоний стран морского могущества, чем суверенным геополитическим организмом. В этой связи российское Евразийство остается единственным возможным ответом на экспансию цивилизации моря.

§ 12. Европейская геополитика после Второй мировой войны

Европейская геополитика, обоснованная в большей степени в трудах немецких мыслителей, развивалась одновременно с «эпидемией» нацизма. Третий рейх избирательно использовал теоретические выводы геополитики для обоснования своих преступлений против человечества. Однако о том, что А. Гитлер следовал геополитическим законам, говорить не приходится. Тем не менее, мысль о связи немецких геополитиков с фашистской Германией укоренилась в глазах мировой общественности. Это привело к приостановке развития немецкой школы геополитики. После поражения во Второй мировой войне Германии предстояло послужить катализатором развития геополитики. Но теперь – став новой, ярко выраженной границей между цивилизацией моря и цивилизацией суши.

Послевоенный раздел Германии, по сути, означал раздел Европы на две геополитические зоны влияния СССР и США. По разные стороны Берлинской стены использовались в разной степени очевидные методы доминирования империй сухопутного и морского могущества, что буквально означало утрату независимости Европы.

Зависимая от США часть Европы выработала геополитику евроатлантизма, признававшую единство «судьбы» Европы с англосаксонским миром. Евроатлантизм – это обоснование дальнейшей интеграции псевдоуниверсальных ценностей США в Европу. Наверняка многие из нас слышали предательский тезис о том, что для СССР было бы лучше проиграть Великую отечественную войну в интересах лучшей жизни европейского уровня. Подобная наивность является примером евроатлантического мышления. С точки зрения теории геополитики, евроатлантизм не обладает новизной – это и есть продолжение геополитики Моря.

Вторыми, зеркальными по отношению к евроатлантизму подвижками в геополитической мысли, стал просоветизм. С точки зрения геополитической топики, просоветизм был естественным стремлением европейских народов к сохранению традиционных для материковых обществ ценностей. Развитию идей просоветизма содействовали традиции европейского парламентаризма, благодаря которому коммунистические партии европейских государств могли вести открытые дискуссии политико-правового характера и популяризировать социа-

листические ценности. Ввиду тех обстоятельств, что советская доктрина не учитывала геополитических аспектов, просоветизм не получил должной поддержки «сердечной земли Евразии». А после развенчания культа личности И.В. Сталина сторонники просоветизма утратили значительную часть весомых аргументов в пользу своих взглядов. Просоветизм логично сошел на нет, постепенно смешавшись с социал-демократическим движением.

Один из ключевых постулатов геополитики говорит о том, что цивилизация суши, как и цивилизация моря, всегда стремится к проявлению своей природы. В условиях непригодности ценностей Моря для цивилизации суши в Европе сформировались идеи евроконтинентализма. Евроконтинентализм основан на двух ключевых элементах: единство Европы и независимость от США и СССР. Чуть позже многие евроконтиненталисты переосмыслили эти установки, определив для себя, что лучше уж с СССР, чем с США. Ярким примером проявления евроконтинентализма было решение Шарля де Голля по выходу Франции из НАТО.

Итак, после раздела Германии началась борьба идеологий, основанная на геополитических различиях цивилизаций, сформировавшихся в соответствии с первым и вторым номосами Земли. С поправкой на замену социализма на плюрализм большого пространства, эта борьба продолжается по сей день. В период Холодной войны борьба капитализма и социализма распространилась на страны третьего мира, предопределив один из ключевых

методов геополитического анализа – возможность масштабирования конфликта с локального уровня на региональный, регионального – на континентальный, а континентального – на глобальный. Если конфликт масштабируется в обоих направлениях и возникает в различных регионах, этот конфликт можно смело анализировать с применением геополитических методов.

Евроконтинентализм начал свое распространение благодаря движению «Юная Европа», которое основал бельгиец Жан Тириар. Движение «Юная Европа» продвигало идею европейской идентичности. Обладая европейской идентичностью, европейским народам предписывалась необходимость реализовать право на создание «большого пространства». Объединение европейских государств имело своей основной целью снятие зависимости от США. Жан Тириар не был сторонником федерализма, в связи с чем предполагал, что европейская империя должна быть построена на принципах регионального ведения, но максимально унифицированным централистским образом. По замыслу Жана Тириара европейской нации нужен был союз с СССР для того, чтобы избавиться от американской зависимости. Для создания «большого пространства» представлялось необходимым заложить в основу политических стратегий европейских стран геополитическое видение мира. Свое видение мира Жан Тириар развил до сценария формирования Евро-советской империи, что характеризует его как национал-большевика. Свои идеи Жан Тириар пытался донес-

ти до руководства Югославии, чтобы те могли изложить его план советской власти. В своих работах, основанных на прикладном геополитическом анализе, Жан Тириар предостерегал СССР от распада за 15 лет до того, как это произошло.

Другой европейский геополитик француз Ален де Бенуа логически продолжил немецкую школу геополитики. В основу воззрений Алена де Бенуа легли убеждения о самобытности европейской культуры – наследнице Греции и Рима. Ален де Бенуа, основатель метаполитики, провозглашал неизменными ценности «рыцарства» и традиционного общества, которому не претит технологическое развитие, более свойственное цивилизации моря, но для которого оно не является приоритетным. Ален де Бенуа отвергал понятие прогресса, считая, что прогресс – явление субъективное, соотносящееся с развитием «чужой» цивилизации, вытесняющей традиционные для Европы ценности. Ален де Бенуа также критиковал либерализм и индивидуализм. Французский геополитик был убежден, что процесс деколонизации Африканского континента – это тот же процесс, который происходит в Европе по освобождению от зависимости от США. Ален де Бенуа откровенно критиковал А. Гитлера за нарушение геополитических постулатов, подтверждая тем самым тезис, что империи могут и должны формироваться только путем реализации права народов на создание «большого пространства». Колониальный ошибочный путь создания империй всегда сопровождается радикальной се-

грегацией народов. Ален де Бенуа пропагандировал революцию консерваторов. В процессе развития своих взглядов Ален де Бенуа логично разворачивает голову в сторону Востока для альянса с Китаем против СССР и США. После распада СССР Ален де Бенуа приходит к выводам о наличии положительной перспективы воссоединения Европы с истинной «сердечной землей» Евразии – Российской Федерацией. Таким образом открывается перспектива для евроконтинентализма – стать частью Евразийства.

Австриец Йордис фон Лохаузен, последователь идей К. Хаусхофера, издал книгу «Мужество властвовать. Мыслить континентами». В своих суждениях Йордис фон Лохаузен приходит к выводу, что зависимое положение послевоенной Европы возникло вследствие исторической недальновидности государств цивилизации суши. Йордис фон Лохаузен убежден, что государственная власть предопределяет вектор исторического развития. Выбор исторического пути должен происходить на основе исторических обобщений, иногда вопреки «местечковым» событиям политической повестки дня. Только такой подход способен обеспечить достойное место государству в долгосрочной перспективе. Принятие решений по вопросам государственной политики должно быть основано на методах геополитического анализа, свободных от частных интересов.

В XX веке геополитический образ мышления проникает в художественную литературу: в романах Джорджа Оруэлла писатель мыслит континентами, а французский писатель, представитель

творческой интеллигенции Жан Парвулеско работает в жанре геополитической беллетристики. Человеческая история в книгах Жана Парвулеско представлена как битва двух философских начал: бытия и небытия. Бытию соответствует империя с упорядоченным социальным устройством и религиозными взглядами, суть – Евразия. На бытие наступает небытие, несущее социальные установки, противоречащие традиционному обществу, суть – цивилизация моря. В этой мифопоэтической форме автор скрывает подоплеку разворачивающейся в реальности войны континентов.

Движение «Юная Европа» Жана Тириара и работы Карла Шмитта были восприняты в Италии, содействуя формированию двух геополитических образов мышления у итальянцев: континентального и берегового. Геополитическая мысль Берега публикуется в журнале «Limes», а сторонники Евразийства издают журнал с говорящим названием «Eurasia». Развитию геополитики в Италии во многом содействовал профессор Джанфранко Мильо, сенатор, сторонник идей Европейства, федерализма и права народов на создание «большого пространства». Джанфранко Мильо опирается на работы А. Мэхэна и Х. Макиндера, идеи которых так сильно повлияли на формирование политической карты мира в XX веке. Джанфранко Мильо солидарен с Х. Макиндером по поводу ключевой роли «сердечной земли» в борьбе континентов и принимает ее сторону. Отдавая главенствующую роль России в вопросе Евразийства, Клаудио Мутти, единомыш-

ленник Джанфранко Мильо, отводит Европе роль союзника истинной срединной земли материка. При этом новой сухопутной силой континентальной цивилизации Джанфранко Мильо считает мировой ислам. Согласно итальянской геополитической концепции, Евразийская цивилизация должна быть построена на принципах этнокультурной дифференциации и регионализма. Россия и мировой ислам в союзе с Европой может добиться победы над атлантизмом.

Соратник Шарля де Голля генерал Пьер Мари, в свою очередь, придерживается идей евроскептицизма или европейского реализма. Он считает, что создание Евросоюза происходит с подачи атлантистов. Объединение Европы, санкционированное и поддержанное США, имеет своей целью размытие идентичности народов Европы и подготовка континента к дальнейшей интеграции цивилизации моря. Пьер Мари активно выступал против создания Евросоюза и глобализационных процессов. Напротив, по мнению Пьера Мари Европа должна взять курс на усиление суверенитета крупных европейских государств. Действенной мерой по поддержанию суверенитета Пьер Мари считает распространение ядерного оружия в целях сдерживания манипулятивных действий США в Европе.

Манипуляции США в Европе и мире в контексте геополитики морей и океанов исследует Эрве Куто-Бегари, профессор высшей школы Генерального штаба вооруженных сил Франции. Эрве Куто-Бегари пропагандирует консерватизм. Сценарий

победы над атлантизмом профессор Кутто-Бегари связывает с усилением контроля над береговыми линиями со стороны Китая, Индии, России и стран Латинской Америки. Указанные страны способны сформировать общую тенденцию, которую впоследствии «подхватит» Европа.

Неореалисты послевоенной Европы разработали свою методику проведения практического геополитического анализа и стали новым поколением активно работающих в этом направлении экспертов. Эмрику Шопраду, известному своей критикой политики Николя Саркози по сближению Франции с США, которая венчалась возвращением Франции в НАТО, удалось не только внести вклад в развитие теории геополитики, но и стать известным специалистом в области геополитического мониторинга. Эмрик Шопрад убежден, что «Большая игра» Хэлфорда Макиндера продолжается, за тем лишь исключением, что на смену Британской Империи пришли США и НАТО, а Российская Империя в этой борьбе представлена Российской Федерацией. Внешнеполитический курс США по противодействию «Оси зла», по мнению французского геополитика, является не более, чем борьбой за «береговую линию» в значении слова Rimland, введенного Х. Макиндером.

Эмрик Шопрад в соавторстве с Франсуа Тюаль подготовили и издали словарь геополитики. В других своих работах Ф. Тюаль умело применяет методику геополитического анализа для оценки и прогнозирования религиозных конфликтов в совре-

менном мире. Ф. Тьюаль прекрасно разбирается в истории иудаизма, буддизма, шиизма и чуть хуже – православия. Прикладные выкладки аналитических материалов Ф. Тьюаля касаются духовной природы обществ, конфронтация которых лежит в основе таких проблем, как конфликт в Нагорном Карабахе, война в Ираке. Особого внимания заслуживают труды Ф. Тьюаля по геополитике Латинской Америки, Кавказа, Каспия. Ф. Тьюаль также вводит в геополитику такой вопрос, как конфликт идентичности, а известный принцип римского сенатора «разделяй и властвуй» рассматривается французом как эффективный и применимый в современной внешнеполитической деятельности метод доминирования, имеющий явные геополитические корни. От классиков геополитики Ф. Тьюаля отличает анализ новых социальных реалий глобального и пост-глобального мира.

Отдельного упоминания заслуживают труды Ф. Тьюаля, посвященные трансграничному регулированию, противоречащему принципам государственного управления. Французский геополитик анализирует такие тонкие материи, как геополитика масонства и конспирология. Ф. Тьюаль имеет совместные работы с Паскалем Лоро, который является признанным специалистом в области геоэкономики. П. Лоро обоснованно считает, что закономерности экономического развития и внешнеэкономических связей имеют геополитические корни. К слову, общая экономическая теория утверждает полностью противоположное: экономические предпосылки оп-

ределяют характер международных отношений. П. Лоро исследует состояние морского могущества в своих работах, посвященных геополитике океана.

Что же позволяет неореалистам быть столь плодовитыми в области геополитического мониторинга? Во-первых, они утверждают (и это совершенно верно), что дипломатическая риторика, общественное мнение и существующие идеологии не влияют на принятие решений, основанных на геополитической картине мира. Все эти аспекты анализируются политиками для решения тактических вопросов международных отношений, но стратегический вектор внешней политики всегда определяется геополитически, без учета частностей, в том числе информации из СМИ – это всегда «отвлекающий маневр» конфликтующих сторон.

Говоря простыми словами, при проведении прикладного геополитического анализа эксперт-аналитик отвечает на вопрос: кто, чего, от кого, как и почему хочет? При проведении анализа геополитик определяет субъектов отношений, их мотивацию, существующие альянсы всех уровней (от внутренних до внешних), намерения и ожидания. Намерения субъектов могут быть связаны как с их амбициями, так и с необходимостью защиты от внешнеполитических угроз. Характеры альянсов определяются этими намерениями. Намерения могут реализовываться разными средствами – диспозитивами, определяемыми взаимными установками субъектов. Диспозитивы бывают военными, дипломатическими или специальными. Военный диспо-

зитив, например, характеризует производимое и поставляемое оружие, а специальный – проводимый шпионаж, контрразведка, разные виды диверсий и акты устрашения. Специальный диспозитив особенно важен для аналитики, потому что ярко демонстрирует истинные намерения субъектов. Разобравшись с этими вопросами, эксперт анализирует месторазвитие с точки зрения характера установления границ, истории смены политических режимов, традиционных амбиций и угроз в рассматриваемом регионе и на прилежащих территориях.

Таким образом геополитик определяет смыслы кризисов: структуру очага кризиса, его субъектов и природу. Для проверки своих выводов геополитик масштабирует кризис с регионального уровня на континентальный и мировой для подтверждения своих выводов, находя общемировые закономерности. Анализ кризиса структурируется по трем уровням: анализ ситуации, т.е. повода возникновения или обострения кризиса, причины кризиса и его структура (первопричины). Качество геополитического анализа повышается при наличии доступа геополитика к специальным диспозитивам субъектов международных отношений.

§ 13. Зарождение неоевразийской геополитики

На первый взгляд распад СССР, наряду со снятием идеологического неприятия геополитической топики на уровне политической доктрины, должны были дать «зеленый свет» для стремитель-

ного развития геополитики в России. Однако это произошло лишь отчасти. Дело в том, что предпринятые демократической Россией шаги по снятию напряженности в отношениях с Западом для действовавшего в соответствии с геополитическим планом атлантического альянса означало лишь одно – капитуляцию «сердечной земли» Х. Макиндера перед наступающей цивилизацией моря. Идеи атлантизма проникли внутрь России, а знания геополитической топики прямо противоречило дальнейшему распространению ценностей англосаксонского типа на постсоветском пространстве. Поэтому развитие геополитики в демократической России представлялось движением оппозиционным, враждебным по отношению к новому формирующемуся порядку, доказывающим неверность и несоответствие политического курса новой России ее интересам.

Развитие геополитики происходило вразрез внешнеполитическому вектору новой России, руководство которой ошибочно, как мы уже можем судить, полагало, что в ответ на снятие идеологической напряженности западный блок снимет давление на Россию и перейдет к партнерским отношениям. Такой поворот означал бы отказ США от геополитических основ своей внешней политики, приверженность которым обеспечила победу в Холодной войне. Этого, конечно, не могло произойти. Более того, США начали активно поддерживать оставшиеся без контроля России территории.

Этот период истории современной России А.Г. Дугин метко называет временем бессознательного атлантизма. Эта формулировка представляется нам очень точной, поскольку мы в целом не признаем обоснованность теории заговора, все происходило именно по незнанию, в том числе – реформы новой России. Реформаторов России подготовили в Институте системных исследований. За рубежом преподаватели и учебная литература подготовили реформаторов для установления либеральной идеологии, направленной на создание условий для торговой колонизации России. Эта установка до сих пор находится в тексте ст. 2 Конституции Российской Федерации. Признание прав человека, в целом, соответствует принципам цивилизации суши. Но либеральная идеология влечет за собой формирование более защищенного правом слоя населения и олигархата. Вследствие неосознанного принятия атлантизма российская власть попала в оппозицию своей географии, истории и народу. Незнание геополитики преступно. По преступному незнанию Россия взяла курс на суверенизацию субъектов Российской Федерации и получила первую чеченскую войну. Неосознанно российские власти прекратили отношения с Арабским миром и оставили Югославию на растерзание цивилизации моря. Забыв народную мудрость, что свято место пусто не бывает, новый российский истеблишмент создал необходимые условия для установления влияния США в постсоветских государствах.

В первую очередь, распад СССР означал передел зон влияния. С этой точки зрения Россия потерпела безоговорочное поражение, однако - не допустив своей полной десоверенизации. Вместе с односторонним отказом от идеологического противостояния «социализм - капитализм» политические обоснования конфликта цивилизаций суши и моря сошли на нет. Формировавшаяся десятилетиями система противодействия распространению влияния СССР в мире могла бы прекратить свое существование, если бы не была создана на фундаменте геополитических установок США и претензий на универсальность американских ценностей. Идеологическая подоплека Холодной войны была лишь подоплекой. Генеральная линия атлантизма оставалась прежней - добиться глобального доминирования цивилизации моря. «Демонтаж» машины либерального противодействия советскому могуществу не произошел, а политические доводы идеологов атлантизма сменились на сугубо геополитические. В одном из интервью Збигнев Бжезинский прямо говорил о том, что им удалось обхитрить Россию.

С неосознанным принятием идеологии атлантизма Россия не могла изменить свою географию. Сценарии возможного развития атлантизма в России были связаны с полным иссечением «сердечной земли» цивилизации суши на более мелкие, не способные к объединению политические образования. Сценарий восстановления источника цивилизации суши определял необходимость, во-первых, замедления распространения атлантизма в России (чем

деликатно в своей политической деятельности занимался профессор Е.М. Примаков), во-вторых, полной остановки пособничества распространению атлантизма (что произошло во время первых президентских сроков В.В. Путина), в-третьих, перехода к умеренному, прагматичному Евразийству (чему соответствует начало второго этапа правления В.В. Путина) и, наконец, начала реализации Проекта «Евразия».

Чтобы сохранить объективность изложения материала здесь представляется необходимым коротко обозначить, какое развитие после распада СССР получает западная инфраструктура Холодной войны. Новые вехи в англосаксонской геополитике связаны с проработкой вопросов недопущения восстановления самостоятельности евразийской политики. Об этом писал президент Всемирного банка Пол Волфовиц, в то время как З. Бжезинский открыто рассуждал о логическом продолжении реализации плана Х. Макиндера – необходимости развала Российской Федерации. В это время в США активно финансируются так называемые «евразийские исследования», направленные на выработку программ сдерживания России и усиления американского политического влияния на материке.

Естественным шагом в ответ на не прикрытые политической повесткой намерения цивилизации моря стала институционализация геополитических центров в системе государственной власти России и научном сообществе. При Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федера-

ции был создан Центр геополитических экспертиз, который участвовал в законопроектной работе и давал заключения о соответствии или несоответствии того или иного законопроекта геополитической стратегии России, а также готовил предложения законодательного собрания для работы Совета по безопасности при Президенте Российской Федерации. Для реализации идей Евразийства было учреждено Движение «Евразия», позднее реорганизованное в политическую партию, а затем на этом заделе было создано международное движение «Евразия», где был разработан программный документ по интеграции евразийского пространства. Проект «Евразия» включает в себя стратегические программные документы создания и развития Евразийского Союза.

Вернемся к теории геополитики. В 1992 г. Александр Гельевич Дугин вводит в научный оборот основные термины и концепты геополитического дискурса, что создает герменевтические основы для развития геополитики как науки. После проведения в России открытых лекций и дискуссий с участием французских геополитиков Жана Тирара и Алена де Бенуа геополитика заявила о себе как основополагающий элемент стратегического развития России.

Чем же характеризуется неоевразийский синтез российской геополитики? В первую очередь, геополитическая субъектность России неразрывно связана с цивилизацией суши. Российская геополитика относится к евразийской школе и является преемницей воззрений ранних евразийцев. Вместе

с тем, атлантизм подлежит внимательному изучению неоевразийцами как источник рисков и угроз. Попытки геополитического анализа враждебных действий против России с точки зрения евразийских идей обречены на провал, поскольку влекут за собой искажение истинных намерений атлантистов.

Неоевразийцам свойственно признание преемственности России всех режимов – царизма, советской империи и Российской Федерации. Геополитика не имеет дела с политической подоплекой – она анализирует первопричины политически значимых событий, поэтому является стратегической системой знаний.

Неоевразийской школе геополитики характерна интерпретация выкладок немецкой школы геополитики, отсюда мы определяем оппозиционной евразийской школе геополитики не романо-германскую школу, а англосаксонскую.

Общая тенденция континентальных школ геополитики – это выработка мер по противодействию методам распространения морского могущества на материке, в первую очередь, выраженную в подмене традиционных для сухопутных обществ ценностей, например, традиционных конфессий – на «карфагенские» ценности.

Также неоевразийству свойственно неприятие идеи однополярного и биполярного мира. Стратегической целью неоевразийства является многополярность, обеспеченная большими пространствами, созданными на принципе экономической

автаркии. Многополярный мир, с точки зрения неоевразийцев, должен быть организован на принципах конвергенции и сотрудничества России с объединенной Европой, системообразующими в области экономики государствами Азии, Исламским миром, Латинской Америкой и антиколониальными объединениями африканских стран. Глобализационные процессы, не основанные на интеграции, имеют признаки колониализма, который не приемлем с точки зрения евразийской концепции.

Создание и развитие Евразийского Союза по принципу таможенного союза должно быть основано на признании и соблюдении прав народов на культурную самобытность. Признание права народов является евразийским ответом на приоритетность прав человека, которая в отличие от либерализма в процессе правоприменения не приводит к формированию радикального социального неравенства. Признание прав народов на культурную самобытность, в свою очередь, подразумевает формирование евразийской идентичности, основанной на культурном плюрализме.

Суверенитет и целостность России является приоритетом неоевразийской геополитики, что предопределяет принципиальность позиции России против расширения НАТО на Восток и продолжении англосаксонской экспансии на прилегающих территориях, вплоть до отказа от признания суверенитета и территориальной целостности некоторых государств. Речь идет как о внешнеполитическом суверенитете, так и внутреннем. Продиктованная

этим обстоятельством, в современной России была проведена административная реформа, направленная на десуверенизацию субъектов Российской Федерации и переразграничение вопросов федерального ведения и ведения субъектов Российской Федерации. Этот аспект геополитики неоевразийцев стал особенно важным в связи с утратой контроля России над Восточной Европой и, как следствие, сближения соседних государств с НАТО. И трагический опыт междоусобной войны в России, возникшей в связи с распространением радикального исламского сепаратизма, должен быть усвоен всеми будущими поколениями.

Задачей, которую необходимо решить теоретикам неоевразийской геополитической школы, является ликвидация геополитической неграмотности населения, возникшей вследствие идеологического компонента советского образования и антиидеологического характера российского просвещения. Геополитическая мобилизация общества, согласно воззрениям неоевразийцев, должна происходить осознанно, что возможно при должном внимании системы образования к геополитике и формированию евразийского мировоззрения.

§ 14. Геополитика Берега

Геополитика цивилизации берега (Rimland) занимает промежуточное, производное и переменчивое положение в системе классической геополитики. Геополитическая субъектность Берега, с од-

ной стороны, не соответствует ни субъектности Суши, ни Моря. Однако, в силу тех обстоятельств, что при отсутствии фундаментальной субъектности геополитики Берега оперируют понятием государственных интересов, лежащих в основе их геополитических воззрений, их субъектность может вполне относиться к европейскому континентализму, Евразийству или атлантизму, исходя из существующих государственных интересов.

В контексте рассматриваемой темы нас интересует только та часть геополитических воззрений Берега, которая при комбинировании методов континентальной и атлантической геополитики производит новые качественные характеристики геополитики. Таковых нам известно немного, в связи с чем настоящий раздел нашей работы является наименее объемным по своему содержанию.

Цивилизации берега свойственно существование упрощенных социальных моделей. Это продиктовано месторазвитием прибрежных обществ. В отличие от срединных территорий, где сходятся сухопутные «маршруты» общественных отношений, возникающих между обществами с различными социальными концепциями, где различные системы ценностей синтезируются и производят новые качественные культурные характеристики, общественный уклад прибрежных территорий более однородный. Иносказательно: «все дороги ведут в Рим» – поэтому культура Рима столь разнообразна и сложна. К побережью ведет, условно, одна дорога, поэтому там сформировалась упрощенная модель общес-

тва. Некоторым исключением из этого правила являются портовые города и прилежащие к ним территории. Но эти территории, априори торговые, склонны к атлантической субъектности. Так или иначе цивилизация Берега рефлексировала под воздействием кочевников моря или кочевников суши, в зависимости от того, какая цивилизация в определенный момент истории имеет больше жизненной энергии и доминирует.

Сценарии возможного развития геополитической мысли Берега следующие. Во-первых, Берег может примкнуть к одной из сил конфликта цивилизаций – к Суше или Морю. Во-вторых, геополитика Берега может попытаться сохранить нейтральность. Такая нейтральность может быть двух видов: комбинация изначально взаимоисключающих принципов двух цивилизаций или отрицание дуальности мира вообще. В любом случае, геополитика Rimland носит переменчивый характер.

Будучи зависимой от Моря и/или Суши, геополитике Берега свойственно естественное стремление к независимой позиции и своей школе с уникальным методологическим аппаратом. Проблема в том, что любые попытки найти независимое место геополитики Берега входят в противоречие с набравшими силу течениями, не берущими в расчет поправку на стремление к самостоятельной исторической судьбе береговых линий. Это приводит к эффекту оксюморона, где смыслом геополитики Берега становится отсутствие смысла классической геополитики.

Одним из ключевых лиц в геополитике Берега является француз Видадь де ла Бланш, который начинает свой путь в геополитике с идеей, созвучных с выкладками Фридриха Ратцеля о существовании связи социальных концепций с особенностями окружающей среды. Однако, француз считал, что роль географической предопределенности переоценена. Во главу процесса формирования общественных концепций В. Де ла Бланш ставил человека. Человек, по своей природе наделенный свободой воли, самостоятельно вершит свою судьбу, подчиняет природу, меняет место проживания и т.д. На этом основании Видадь де ла Бланш обосновывает теорию POSSIBILISME, в соответствии с которой природный ландшафт лишь предлагает некоторые возможности развития человека и общества, но человек или общество может как воспользоваться этими возможностями, так и проигнорировать их. По своей сути POSSIBILISME не отрицает географический детерминизм, но уточняет, ослабляет его. Обосновав POSSIBILISME, Видадь де ла Бланш определил основной вектор геополитики Берега, направленный на ослабление логики классической геополитики.

Ослабляя основы геополитической топики, французские и другие геополитики Берега стремились к поиску геополитической идентичности Берега, хором не соглашаясь с отведенной классической геополитикой Берегу роли плацдарма в войне континентов.

Второй шаг на пути формирования геополитической идентичности Берега связан с противо-

поставлением интенций цивилизации Берега намерениям Суши и Моря (в первую очередь – Суши, стремящейся к территориальной экспансии материкового масштаба). Наиболее очевидной мишенью в этом деле была Германия, открыто заявлявшая претензии на французские территории. В отличие от большинства развитых европейских держав, Германия в силу географических причин была отрезана от возможности вести колониальную политику. Это, по мнению Видаля де ла Бланша, должно было рано или поздно привести к военной агрессии Германии на континенте. Это предположение было абсолютно верным, нашедшим подтверждение в истории. Но в то же время эти предположения сближали геополитику Берега с цивилизацией морского могущества. Видаля де ла Бланш обосновывал либерализм привязанностью человека к своей земле и естественным стремлением к землевладению на правах частной собственности. Из этого следовал вывод о прямой связи между географией, политико-правовой системой и идеологией.

Подхватив идеи Видаля де ла Бланша, Жак Ансель начал использовать слово «геополитика» в своих работах. Точно так же, как и В. де ла Бланш, Жак Ансель дискутировал с немецкими геополитиками. Существенный вклад Жака Анселя в формирование геополитики Берега связан с исследованием феномена подвижности границ, который французский ученый связывал с государственными интересами, отрицая тем самым органицистский подход классических геополитиков, которые

в свою очередь считали, что стремление к экспансии является естественной характеристикой развивающегося общества.

Другой француз Андре Зигфрид разработал уникальный подход к геополитическому анализу, который вошел в научный оборот как электоральная геополитика. По мнению Андре Зигфрида, существует неразрывная связь регионов в географическом смысле с экономическими системами и политическими установками. Таким образом мы можем говорить о существовании политического климата, имеющего общие черты и закономерности, как и природный климат. Существование таких закономерностей предопределяет относительную внутреннюю устойчивость политических режимов и общественного мнения в различных регионах.

Да, геополитика имеет дело с конфликтом цивилизаций, не имеющим ничего общего с идеями пацифизма и мира во всем мире. Это верно даже для кажущейся на первый взгляд миролюбивой, стремящейся к защите своих ценностей геополитики Берега. Разработчик концепции политического климата Андре Зигфрид также разрабатывал план по расчленению Австро-Венгрии, который был основан на его выкладках о политическом климате, а линии смены политических климатических зон были использованы для прогнозирования наиболее вероятных линий развала Австро-Венгрии, что произошло в 1918 г. Андре Зигфрид также был ярким сторонником создания военного союза Франции, Англии и России против Германии. Успех

Антанты был безусловной победой Франции с точки зрения геополитических воззрений Берега.

После Второй мировой войны и до 1970-х гг. геополитика перешла в режим затишья, англосаксонские институты геополитического анализа ушли в секретность, а в СССР геополитика находилась под запретом в связи с идеологическими противоречиями. С возвращением геополитики в повестку дня геополитика Берега в лице Ива Лакоста обвинила классическую геополитику в оправдании империалистических претензий отдельных государств. Новая вежа геополитики Берега была направлена на дискредитацию классической геополитики. Геополитики цивилизации Берега указывали на то, что методы геополитического анализа являются лишь отдельными инструментами комплексного анализа внешнеполитических событий в привязке к политически организованному пространству.

Такой анализ геополитики Берега начали проводить без масштабирования политически значимого события до уровня конфликта цивилизаций, подчиненного геополитическому закону дуализма. На смену масштабированию с целью повышения качества прикладного анализа геополитики Берега вводят в оборот оценку качественных пространств по социальным критериям: бедность, социальное неравенство и пр. Детальному анализу также подлежат экономические и экологические факторы, влияющие на ход событий. Еще одним нововведением в методикку проведения практического геополитического анализа стала оценка реальных и по-

тенциальных имиджевых (репутационных) издержек субъектов международных отношений. Это нововведение послужило катализатором развития медиакратии в мире. Высокий уровень детализации геополитического анализа геополитической школы Берега, наряду с отсутствием метода масштабирования до конфликта цивилизаций Суши и Моря, отличает геополитическую школу Берега. Это, на наш взгляд, является реальным вкладом в развитие геополитики как системы знаний, который нужно заимствовать.

Развивая идеи геополитики Берега, наш современник Жан Кристоф Руфен сравнивает США с Римской империей, которой после гибели Карфагена (сравнимого с его точки зрения с распадом СССР) противостоит варварство. Новый мировой дуализм Жан Кристоф Руфен связывает с конфронтацией развитого Севера и развивающегося Юга. При этом гибель организационных структур Юга неминуемо приведёт к хаосу планетарного масштаба.

Идеалист Игнасио Рамоне связывает прогресс Европы с противодействием двух факторов. Первый из них направлен на развитие Европы – это консолидация европейских государств на принципах справедливости, равенства и кооперации. Второй фактор (негативный) выражен двумя векторами: попытками отдельных государств Европейского союза доминировать над другими и существующее прагматичное влияние США, направленное на удовлетворение своих интересов. По мнению Игнасио Рамоне, современный мир движется к соперни-

честву двух сценариев возможного будущего. Первый сценарий связан с победой европейских идеалов демократии и прав человека. Второй – с победой американских ультралиберальных ценностей свободного рынка и хищнической экономики. Все остальные страны, по мнению Игнасио Рамоне, являются невольными заложниками этого спора. Доводы Игнасио Рамоне основаны на предположении, что доминирование США над остальным миром приведет к угнетению народов, в то время как гуманистические европейские ценности обеспечат справедливое распределение мировых ресурсов и развитие всего человечества. Эти суждения могут быть верными, если полностью проигнорировать существование срединной земли Евразии и великих азиатских государств. Также данная логика вызывает много вопросов о перспективах противопоставления силовой позиции США «мягкой» гуманистической позиции объединенной Европы. Тем не менее, существование критического анализа атлантизма предопределяет некоторые перспективы дальнейшего развития и сближения геополитики Берега с геополитикой Суши. Это перспектива связана с основополагающим тезисом геополитики Берега о главенстве собственных интересов при определении внешнеполитического вектора развития.

Заключение

На этом наше изложение основ теории геополитики подошло к концу. Необходимо отметить, что нами была предпринята попытка представить на Ваше обозрение основы теории геополитики, которые, по нашему убеждению, способны помочь каждому человеку начать понимать первопричины всех происходящих в мире политически значимых процессов.

Для углубления знаний в области геополитики мы рекомендуем обратиться к трудам уважаемого Александра Гельевича Дугина, а также следить за нашими научными публикациями.

Рекомендованная литература

1. *Филимонов Г.* «Мягкая сила» культурной дипломатии США: монография. – М.: РУДН, 2010.
2. *Филимонов Г.* Культурно-информационные механизмы внешней политики США. Истоки и новая реальность. – М.: РУДН, 2012.
3. *Филимонов Г., Карпович О., Манойло А.* Технологии «мягкой силы» на вооружении США: ответ России: монография. – М.: РУДН, 2015.
4. *Филимонов Г., Данюк Н., Юраков М.* Переворот. – Питер, 2016.
5. *Филимонов Г., Данюк Н.* Информационный террор. Тактика и стратегия информационной войны. – Книжный мир, 2017.
6. *Filimonov G.* Hybrid Conflicts and Information Warfare: New Labels, Old Politics. – Lynne Rienner Publishers, 2018.
7. *Данюк Н.* «Цветные революции». От теории к практике: монография. – М.: Юнити-Дана, 2018.
8. *Юраков М.* Урегулирование региональных конфликтов на постсоветском пространстве. Российский и американский подходы: монография. – М.: Юнити-Дана, 2019.

Учебное издание

Гребнев Руслан Дмитриевич

ТЕОРИЯ ГЕОПОЛИТИКИ

Издание подготовлено в авторской редакции

Компьютерная верстка *Е.Н. Собанина*

Дизайн обложки *М.В. Рогова*

Подписано в печать 24.06.2022 г. Формат 60×84/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 8,6. Тираж 1000 экз. Заказ 753.

Российский университет дружбы народов
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Типография РУДН
115419, ГСП-1, г. Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3.
Тел.: 8 (495) 955-08-74. E-mail: publishing@rudn.ru